

Оноре де Бальзак Полковник Шабер

- Смотрите-ка, кто идет! Опять эта старая шинель к нам пожаловала!

Восклицание это вырвалось у юного писца из породы тех, кого в адвокатских конторах обычно зовут мальчишками на побегушках; он стоял опершись о подоконник и с аппетитом уплетал кусок хлеба; отщипнув немножко мякиша, насмешник скатал шарик и швырнул его в форточку. Пущенный меткой рукой, шарик подскочил почти до самой оконницы, стукнувшись предварительно о шляпу какого-то незнакомца, который пересекал двор дома по улице Вивьен, где проживал поверенный по делам г-н Дервиль.

- Хватит, Симонен, перестаньте дурачиться, а то я выставлю вас за дверь. Любой, самый бедный клиент, черт побери, прежде всего человек, сказал письмоводитель, отрываясь от составления счета по судебным издержкам.

Обычно мальчик на побегушках - и Симонен не был исключением из общего правила - это юнец тринадцати - четырнадцати лет, который состоит в личном распоряжении письмоводителя и, бегая с повестками по судебным приставам и с прошениями в суд, выполняет частные поручения своего шефа и разносит также его любовные записки. Повадки у него - как у всех парижских мальчишек, а его участь - участь судейских шелкоперов. Такой юнец обычно не знает ни жалости, ни удержу, он неслух, пересмешник, сочинитель куплетов, выжига, лентяй. И все же почти у каждого такого малолетнего писца где-нибудь на шестом этаже есть старушка-мать, с которой он делит тридцать или сорок франков - все свое месячное содержание.

- А раз он человек, так почему же вы прозвали его старой шинелью? спросил Симонен с невинным видом школьника, подловившего учителя на ошибке.

И он вновь принялся за хлеб с сыром, прислонившись плечом к косяку окна, ибо, подобно почтовым лошадям, привык отдыхать стоя; и сейчас он стоял, согнув в коленке левую ногу и слегка опершись носком правого башмака.

- Какую бы шутку сыграть нам с этим чучелом? - вполголоса произнес Годешаль, третий писец, прервав ход доказательств, из коих рождалось прошение, которое он диктовал четвертому писцу, меж тем как два новичка-провинциала тут же изготовляли копии.

Затем он возобновил свою импровизацию:

- ... но по великой и многомудрой милости своей его величество король Людовик Восемнадцатый (последнее слово полностью, слышите вы, Дерош, мудрый чистописатель!), взяв в свои руки бразды правления, постиг (а ну-ка, что он там такое постиг, этот жирный шут?) высокую миссию, к выполнению коей был он призван божественным промыслом!..... (знак восклицательный и шесть точек - не бойтесь, судейские святоши возражать не станут!). И первой заботой его явилось, что и следует из даты упоминаемого ниже ордонанса, уврачевать раны, причиненные ужасными и прискорбными бедствиями революционного времени, восстановив верных и многочисленных слуг своих (многочисленных - это должно польстить в суде!) во владении всем непроданным их имуществом, буде оно находилось в общественном пользовании, в обычном или чрезвычайном владении казны, буде, наконец, в дарственном владении общественных учреждений, ибо мы с полным на то основанием утверждаем, что именно таков смысл и дух прославленного и справедливого ордонанса, изданного в... Стойте-ка,- воскликнул Годешаль, обращаясь к писцам,- эта треклятая фраза расплзлась на всю страницу! Так вот что, продолжал он, проводя языком по корешку тетради, чтобы разнять склеенные листы толстой гербовой бумаги,- если вам хочется сыграть с ним шутку, давайте скажем, что наш патрон принимает посетителей только от двух до трех часов утра. Посмотрим, приплетется ли тогда еще раз эта старая шельма!

И Годешаль вернулся к начатой фразе:

- ... изданного в... Готово? - спросил он.

- Готово! - откликнулись хором писцы.

Все - диктовка, болтовня и заговор - шло одновременно.

- ... изданного в... Папаша Букар, каким же числом датирован этот ордонанс? Надо поставить точки над *i*, канальство! Всё лишние страницы набегут!

- Канальство...- повторил один из писцов, прежде чем письмоводитель Букар успел ответить.

- Как, вы написали "канальство"? - воскликнул Годешаль, бросив на новичка уничтожающий и в то же время насмешливый взгляд.

- Ну да,- ответил Дерош, четвертый писец, наклонившись над копией своего соседа.- Он написал: "Надо поставить точки над *i*" и "канальство" через два "н".

Все писцы разразились громким смехом.

- Значит, вы, господин Гюре, полагаете, что канальство - термин юридический, и еще имеете смелость утверждать, что вы родом из Мортани! ввернул Симонен.

- Подчистите эту фразу, да хорошенько,- сказал письмоводитель.- Ежели член суда, облагающий пошлиной акты, заметит эти штуки, он решит, что мы не уважаем его бумагомарательства. Из-за вас, чего доброго, у патрона могут быть неприятности. Прошу вас, господин Гюре, впредь таких глупостей не писать. Нормандец обязан думать, когда он составляет прошения. Это, так сказать, альфа и омега нашего сословия.

- ... изданного в... в?..- переспросил Годешаль.- Скажите же наконец, когда, Букар!

- В июне месяце 1814 года,- ответил письмоводитель, не отрываясь от своих бумаг.

Стук в дверь прервал на полуслове диктовку многословного прошения. Все пятеро писцов, крепкозубые, с блестящими насмешливыми глазами, подняли всклокоченные головы, обернулись к дверям и воскликнули нараспев:

- Войдите!

Один Букар продолжал спокойно сидеть, склонившись над грудой дел, именуемых на судейском жаргоне "мелочью", и составлял бесконечные счета по судебным издержкам.

Контора представляла собой просторную комнату со старинной печью неизбежным украшением любого вертепа крючкотворства. Трубы, пересекавшие комнату по диагонали, сходились у заколоченного камина, на мраморной доске которого лежали куски хлеба, треугольные сырки бри, свиные котлеты, стояли стаканы, бутылки, чашка шоколада, предназначавшаяся для старшего письмоводителя. Ароматы пищи так основательно смешивались с чадом от жарко натопленной печки, с непередаваемым запахом, свойственным адвокатским конторам и залежавшимся бумагам, что даже зловоние лисьей норы было бы здесь нечувствительным. На полу, там, где наследили писцы, расплылись грязные лужицы подтаявшего снега. Возле окна стояло бюро с выпуклой поднимающейся крышкой, за которым восседал сам письмоводитель. К бюро был приставлен небольшой столик для его помощника. Помощник сейчас как раз "занимался судом". Было примерно восемь - девять часов утра. Единственное украшение комнаты составляли огромные желтые афиши, извещавшие о наложении ареста на недвижимое имущество, об аукционах при распродаже наследства, окончательных и предварительных судебных решениях - словом, все славные трофеи юридических контор. За спиной старшего письмоводителя стоял большой, во всю стену, шкаф; полки его были битком набиты связками бумаг, с которых сотнями свисали ярлычки и кончики красных шнурков - своеобразное отличие судейских документов. На нижних полках шкафа хранились пожелтевшие от времени папки, оклеенные по корешку синей бумагой, на которых можно было прочитать фамилии крупных клиентов, чьи лакомые дела "обстрепывались" в конторе. Грязные оконные стекла скупно пропускали дневной свет. Впрочем, в Париже вряд ли найдется контора, где можно писать без лампы февральским ранним утром, ибо все подобные места находятся в небрежении, что впрочем вполне понятно. Сюда заходят десятки людей, но ни один не задерживается здесь: банальное не привлекает ничьего внимания. Ни сам поверенный, ни его клиенты, ни его писцы не дорожат благообразием помещения, которое для одних - классная комната, для других - проходной двор, для хозяина - кухня. Засаленную мебель передают из одних рук в другие с такой благоговейной щепетильностью, что в некоторых конторах и поныне еще можно обнаружить корзинки для бумаг и особые мешки с завязками, восходящие еще ко временам прокуроров

при "Шле" - так сокращенно называлось "Шатле", что обозначало при старом режиме суд первой инстанции.

Как и все адвокатские конторы, эта полутемная, покрытая слоем жирной пыли комната, внушавшая посетителям отвращение, принадлежала к самым гнусным уродствам Парижа. Правда, существуют в Париже такие клоаки поэзии, как промозглая церковная ризница, где молитвы отсчитывают и продают, будто бакалейный товар, да лавчонка перекупщицы, где развешанное у входа тряпье умерщвляет все наши иллюзии жизни, показывая человеку, чем кончаются его радости,- но если не считать их, этих двух клоак, контора стряпчего - самое мерзкое из всех мест социального торга. Недалеко от них ушли игорные дома, суды, лотереи, злачные места. Почему? Быть может, потому, что драмы, разыгрывающиеся в душе человека, посетителя таких мест, делают его невосприимчивым к внешнему; этим же объясняется, быть может, невзыскательность великих умов и великих честолюбцев.

- Где мой ножик?

- Я завтракаю!

- Эх, черт, посадил на прощении кляксу!

- Тише, господа!

Все эти восклицания раздались как раз в ту самую минуту, когда старый посетитель закрыл за собой дверь с той смиренной робостью, которая сковывает движения людей обездоленных. Незнакомец попытался было улыбнуться, но он тщетно искал хоть проблеска приветия на неумолимо безмятежных физиономиях писцов, и улыбка сбежала с его лица. Умея, должно быть, неплохо разбираться в людях, он с отменной вежливостью обратился к Симонену в надежде, что хоть этот юнец сообразит ему ответить

- Могу я, сударь, увидеть вашего патрона?

Шалун ничего не ответил несчастному старику и только легонько постучал пальцами возле уха, как бы говоря: "Я глухой!"

- Что вам угодно, сударь?- спросил Годешаль, проглотив огромный кусок хлеба, которым можно было бы зарядить пушку, затем поиграл ножичком и закинул ногу на ногу так, что одна нога у него взлетела чуть ли не вровень с носом.

- Я прихожу сюда, сударь, в пятый раз,- ответил посетитель.- Мне хотелось бы переговорить с господином Дервилем.

- У вас к нему дело?

- Да, но я могу изложить его только самому господину...

- Патрон спит. Если вы хотите посоветоваться с ним по поводу каких-нибудь затруднений, приходите после полуночи, он только тогда всерьез принимается за работу. Но ежели вы пожелаете посвятить нас в ваше дело, мы поможем вам не хуже его.

Незнакомец не шелохнулся. Он смиренно и боязливо озирался вокруг, как собака, прошмыгнувшая украдкой в чужую кухню и ожидающая пинка. Одно из преимуществ профессии писца состоит в том, что ему не приходится опасаться воров; поэтому писцы г-на Дервиля не заподозрили ни в чем дурном человека в шинели и не мешали ему обозревать помещение, в котором он тщетно искал, куда бы присесть, так как, видимо, был сильно утомлен. В конторе стряпчего умышленно не ставят лишних стульев. Пусть какой-нибудь клиент попроще, устав от долгого стояния, и поворчит, уходя из конторы, зато он не отнимет лишнего времени, которое, по выражению одного бывшего прокурора, еще до сих пор не "таксировано".

- Сударь,- ответил старик,- я уже имел честь предварить вас, что могу изложить свое дело только самому господину поверенному. Я подожду, когда он проснется.

Букар закончил свои подсчеты. Привлеченный запахом шоколада, он встал с плетеного кресла, подошел к камину, смерил старика взглядом и, присмотревшись к его поношенной шинели, соорудил неопишемую гримасу. Должно быть, он увидел, что, как ни жми этого клиента, из него не выжмешь ни сантима, и, желая избавить контору от невыгодного посетителя, решил вмешаться и положить конец разговору.

- Они сказали вам правду. Патрон работает только по ночам. Если у вас важное дело,

советую зайти к нему в час ночи.

Старик растерянно взглянул на письмоводителя и, казалось, застыл на месте. Привычные к прихотливой игре человеческих физиономий, к странным повадкам клиентов, в большинстве своем людей нерешительных и тяжелодумов, писцы забыли про старика и продолжали завтракать, шумно, как лошади, перемалывая челюстями пищу.

- Что ж, сударь, я найду нынче вечером,- произнес старик, который с настойчивостью, присущей всем несчастным, хотел вывести лжецов на чистую воду.

Единственный вид мщения, доступный обездоленным,- поймать правосудие и благотворительность на недостойных увертках. Изобличив несправедное общество, бедняк спешит обратиться к богу.

- Ну и упрямая же башка! - воскликнул Симонен, не дожидаясь, когда за стариком захлопнется дверь.

- Его как будто из могилы вырыли.- вставил один из писцов.

- Вероятно, это какой-нибудь бывший полковник, хлопчет о пенсии,сказал письмоводитель.

- Ничего подобного, он просто бывший привратник,- возразил Годешаль.

- Хотите пари, что он из благородных? - воскликнул Букар.

- Бьюсь об заклад, что швейцар,- заявил Годешаль.- Одни только отставные швейцары самой природой предназначены носить такие потрепанные, засаленные шинели с разодранными полами. Видели, какие у этого старика стоптанные, дырявые сапоги? А галстук? Галстук у него вместо рубашки. Да он наверняка под мостами ночует.

- Можно быть дворянином и отворять двери жильцам,- воскликнул Дерош.Случается ведь!

- Нет,- возразил Букар среди дружного смеха,- бьюсь об заклад, что в тысяча семьсот восемьдесят девятом году он был пивоваром, а при Республикеполковником.

- Что ж, если он когда-нибудь был военным, я проиграл пари и поведу вас всех на какое-нибудь представление.

- Ладно,- ответил Букар.

- Сударь, сударь! - закричал юный Симонен, распахивая окошко.

- Что ты там опять затеял, Симонен?- спросил Букар.

- Я позвал его, чтобы спросить, полковник он или привратник. Пускай сам скажет.

Писцы так и покатались со смеху. Тем временем старик уже поднимался по лестнице.

- А что мы ему скажем? - воскликнул Годешаль.

- Предоставьте это мне! - заявил Букар.

Несчастный старик робко вошел в комнату, не поднимая головы, чтобы при виде еды не выдать себя голодным блеском глаз.

- Сударь,- обратился к нему Букар,- не сообщите ли вы нам вашу фамилию на тот случай, если патрон пожелает узнать...

- Шабер.

- Шабер? Уж не тот ли полковник, что был убит при Эйлау?- осведомился Гюре, которому не терпелось тоже состричь.

- Он самый, сударь,- ответил старик с величавой простотой.

И он вышел из конторы.

- Выиграл!

- Ну и умора!

- Уфф!

- О!

- А!

- Бум!

- Ай да старик!

- Тру-ля-ля!

- Вот так штука!

- Господин Дерош, вы задаром пойдете в театр,- обратился Гюре к четвертому писцу, награждая его толчком, который свалил бы и носорога.

Засим последовала буря восклицаний, криков, смеха, для изображения коих пришлось бы исчерпать весь запас звукоподражаний.

- А в какой театр мы пойдём?

- В оперу,- объявил письмоводитель.

- Прежде всего,- сказал Годешаль,- театр вовсе не был оговорен. При желании я могу сводить вас поглядеть на мадам Сак.

- Мадам Сак не представление!

- А что такое представление вообще? - продолжал Годешаль.- Давайте выясним сначала фактическую сторону дела. На что я держал пари, господа? На представление! А что такое представление? То, что представляется взору...

- Но, исходя из этого, вы, чего доброго, покажете нам в качестве представления воду, бегущую под Новым мостом,- перебил его Симонен.

- ... то, что представляется взору за деньги,- закончил Годешаль.

- Но за деньги можно видеть тысячу вещей, которые отнюдь не являются представлением. Определение грешит неточностью,- вставил Дерош.

- Да выслушайте вы меня наконец!

- Вы запутались, дружище,- сказал Букар.

- Курциус - представление или нет? - спросил Годешаль.

- Нет,- возразил письмоводитель,- это кабинет восковых фигур.

- Ставлю сто франков против одного су,- продолжал Годешаль,- что кабинет Курциуса есть собрание предметов, которое можно именовать представлением. Он содержит нечто, что можно обозреть за различную плату, в зависимости от занимаемого места.

- Вот уж чепуха! - воскликнул Симонен.

- Берегись, как бы я не вlepил тебе затрещину, слышишь! - пригрозил Годешаль.

Писцы пожали плечами.

- Впрочем, вовсе еще не доказано, что эта старая обезьяна над нами не подшутила,- промолвил Годешаль под взрывы дружного хохота, заглушившего его рассуждения.- На самом деле полковник Шабер давно умер, супруга его вышла вторично замуж за графа Ферро, члена государственного совета. Госпожа Ферро - одна из наших клиенток.

- Прения сторон переносятся на завтра,- заявил Букар.- За работу, господа! Хватит бездельничать! Заканчивайте побыстрее прошение, оно должно быть подано до заседания Четвертой палаты. Дело будет разбираться сегодня. Итак, по коням!

- Если это полковник Шабер, почему же он не дал хорошего пинка негоднику Симонену, когда тот разыгрывал перед ним глухого? - спросил Дерош, полагая, очевидно, что это аргумент более веский, нежели речь Годешаля.

- Поскольку дело не выяснено,- заявил Букар,- условимся пойти во Французский театр, во второй ярус, смотреть Тальма в роли Нерона. Симонен будет сидеть в партере.

Сказав это, письмоводитель направился к своему бюро, остальные последовали его примеру.

- ... изданного в июне тысяча восемьсот четырнадцатого года (последние слова полностью),- произнес Годешаль.- Готово?

- Готово! - откликнулись оба переписчика и писец; перья их закрипели по гербовой бумаге, и комната наполнилась шумом и шорохом, как будто сотня майских жуков, посаженных школьником в бумажный фунтик, разом зацарапалась об его стенки

- И мы надеемся, что господа судьи...- продолжал импровизатор.Стойте-ка! Давайте я перечту фразу. Я сам уж теперь ничего не понимаю

- Сорок шесть... (Что ж! Бывает! Бывает!) и три, итого сорок девять,пробормотал Букар.

- И мы надеемся,- продолжал Годешаль, перечитав написанное,- что господа судьи окажутся достойными августейшего творца ордонанса и оценят по достоинству нелепые притязания со стороны администрации капитула ордена Почетного легиона, дав закону

широкое толкование, предложенное нами здесь.

- Не угодно ли вам, господин Годешаль, стаканчик воды? - спросил юный писец.

- Вечно этот пустомеля Симонен! - воскликнул Букар. - А ну-ка, живо! Бери пакет и несись на своих на двоих в Дом инвалидов.

- Предложенное нами здесь,- продолжал Годешаль.- Прибавьте: в интересах госпожи (полностью!) виконтессы де Гранлье.

- Как! - воскликнул старший письмоводитель.- Вы отваживаетесь составлять прошения по делу виконтессы де Гранлье против Почетного легиона, которое контора ведет на свой риск! Вы, как я вижу, простофиля! Соблаговолите сохранить копии и черновики, они мне пригодятся в деле Наварренов против богоугодных заведений. А сейчас уже поздно, я сам напишу коротенькое прошение с необходимыми "принимая во внимание" и пойду в суд...

Подобные сцены принадлежат к бесчисленным развлечениям молодости, и, вспоминая их на склоне лет, обычно говорят: "А славное все-таки было времечко".

Около часу ночи незнакомец, именовавший себя полковником Шабером, постучался у дверей г-на Дервиля, поверенного в делах при суде первой инстанции Сенского департамента. Привратник сообщил ему, что г-н Дервиль еще не возвращался. Старик сослался на то, что ему назначено прийти, и поднялся к знаменитому правоведа, слывшему, несмотря на свою молодость, одной из самых светлых голов Судебной палаты. Посетитель неуверенно позвонил и с немалым удивлением увидел письмоводителя, раскладывавшего на обеденном столе в столовой Дервиля многочисленные папки с делами, подготовленными к слушанию на следующий день. Письмоводитель, не менее удивленный, поздоровался с полковником и попросил его присесть. Посетитель сел.

- Ей-богу же, сударь, я решил, что вы подшутили надо мной вчера, назначив для посещения такой поздний час,- сказал старик с вымученной веселостью бедняка, пытающегося казаться любезным.

- Писцы шутили, и, тем не менее, они сказали правду,- ответил старший письмоводитель, продолжая свою работу. - Господин Дервиль отвел это время для подготовки дел: он обдумывает методы защиты, подбирает доказательства, предусматривает возможные осложнения. Его удивительный ум чувствует себя наиболее свободно в эти часы, когда ночная тишина и спокойствие благоприятствуют появлению удачных мыслей. С тех пор как он практикует, вы третий по счету, кто получит совет в такой час. Возвратившись домой, наш патрон изучит каждое дело, прочтет все от доски до доски, просидит за работой пять - шесть часов, потом вызовет меня и даст мне указания. Утром, с десяти до двух, он принимает посетителей, а остаток дня посвящает деловым свиданиям. Вечерами он бывает в обществе, чтобы поддержать необходимые связи. Таким образом, в его распоряжении остается только ночь, для того чтобы вникнуть в судебные решения, порыться в арсенале кодексов, наметить план битвы. Он не хочет проиграть ни одного процесса, он любит свое искусство. В отличие от многих своих коллег он не возьмется за любое дело. Такова его жизнь. На редкость деятельный человек! Ну, и зарабатывает он немало.

Слушая объяснения письмоводителя, старик хранил глубокое молчание, и Букар, мельком взглянув на его странную физиономию, не озаренную ни малейшим проблеском мысли, решил оставить его в покое. Через несколько минут появился Дервиль, он был в бальном фраке. Письмоводитель отпер ему дверь и снова взялся за свои папки.

Мгновение изумленный молодой стряпчий стоял неподвижно, стараясь разглядеть в полумраке необычайного посетителя. Полковник Шабер тоже застыл на стуле, и его можно было принять за восковую фигуру из того самого кабинета Курциуса, куда Годешаль предлагал сводить своих друзей. Впрочем, сама по себе эта неподвижность не бросалась бы так в глаза, если бы она не довершала того сверхъестественного зрелища, какое являл собой весь облик полковника. Старый солдат был на редкость сух и тощ. Гладкий парик, намеренно надвинутый на лоб, придавал ему таинственный вид. Глаза были словно подернуты прозрачной пленкой; напрашивалось сравнение с помутневшим перламутром, переливающимся в свете канделябров синеватыми отблесками. Бледное, без кровинки, лицо,

узкое, как лезвие ножа, если позволительно прибегнуть к такому избитому выражению, казалось лицом мертвеца. Шея была повязана плохоньким галстуком из черного шелка. Густая тень окутывала все, что находилось ниже этой грязной тряпицы, и человек с пылким воображением мог бы подумать, что это лицо - фантастическое порождение мрака, или принял бы его за портрет кисти Рембрандта, вынутый из рамы. Поля низко надвинутой на лоб шляпы бросали черную полосу тени на всю верхнюю часть лица. Эта причудливая, хотя и вполне объяснимая игра света подчеркивала в силу резкого контраста извилистые и холодные линии глубоких морщин, общий мертвенный тон этого бескровного, как у покойника, лица. И, наконец, полнейшая неподвижность тела, этот взгляд, лишенный тепла, как нельзя полней отвечали выражению какого-то унылого безумия, унижительным приметам идиотизма и придавали лицу старика зловещее выражение, которое нельзя передать словами. Но человек наблюдательный, и тем более юрист, мог распознать на лице сраженного судьбою старца отпечаток глубокой скорби, следы бед, исказивших черты подобно тому, как дождь капля за каплей разрушает самый прекрасный мрамор. Врач, писатель, судья разгадали бы целую драму, соприкоснувшись с этим величавым уродством, напоминавшим те фантастические силуэты, которые художник, беседуя с друзьями, чертит рассеянной рукой на краешке литографского камня.

При виде Дервиля по телу незнакомца пробежала судорожная дрожь, подобная той, которая охватывает поэта, когда среди безмолвия ночи внезапный шум отрывает его от творческих мечтаний. Старик быстро сдернул с головы шляпу и поднялся со стула, чтобы поклониться молодому поверенному. Кожаная подкладка шляпы, очевидно, изрядно засалилась, и парик, прилипнув к ней, незаметно для самого полковника Шабера обнажил голый череп, чудовишно изуродованный косым шрамом, который шел от затылка до правого виска, образуя на всем своем протяжении толстый выпуклый рубец. Этот рассеченный надвое череп казался таким страшным, что ни Дервилю, ни его помощнику было не до смеха, когда грязный парик, которым несчастный прикрывал свой шрам, внезапно поднялся над головой вместе со шляпой. Их первой мыслью при виде этой раны было: "Так вот откуда улетучился разум!"

"Пусть он и не полковник Шабер, во всяком случае, он настоящий воин", подумал Букар.

- Сударь,- обратился к посетителю Дервиль,- с кем имею честь говорить?
- С полковником Шабером!
- С каким полковником Шабером?
- С тем, что погиб при Эйлау,- ответил старик.

Услышав эту странную фразу, письмоводитель и поверенный обменялись быстрым взглядом, говорившим: "Да он сумасшедший!"

- Сударь,- начал полковник,- я желал бы открыть мою тайну только вам лично.

Неустранимость, присущая представителям закона,- черта, достойная упоминания. То ли в силу привычки встречаться с огромным количеством людей, то ли в силу непоколебимой уверенности в надежной защите уголовного кодекса, то ли в сознании важности своей миссии юрист, подобно врачу и священнику, входит повсюду, не зная страха. Дервиль сделал знак Букару, и тот удалился.

- Сударь,- сказал поверенный,- в течение дня я не особенно считаюсь со своим временем, но ночью каждая минута мне дорога. Посему говорите кратко и ясно. Излагайте ваше дело без отступлений. Если мне нужно будет, я сам попрошу у вас дополнительных сведений. Говорите.

Усадив своего необычного посетителя, Дервиль отошел к столу, приготавливаясь слушать рассказ усопшего полковника, стал перелистывать дела.

- Быть может, сударь, вам известно,- начал мнимоусопший,- что я командовал при Эйлау кавалерийским полком. Я немало способствовал счастливому исходу знаменитой атаки Мюрата, давшей нам победу. По несчастному стечению обстоятельств моя кончина является фактом, так сказать, историческим, опубликованным в "Победах и завоеваниях", где

он изложен весьма пространно. Мы прорвали три цепи русских, но враг быстро сомкнул ряды, и тогда нам пришлось пробиваться обратно, к своим. В ту минуту, когда, рассеяв русских, мы уже добирались до императорской ставки, я наскочил на крупный кавалерийский разъезд противника. Я кинулся на этих упрямецев. Два русских офицера - оба настоящие великаны - разом налетели на меня. Один из них ударил меня саблей по голове и глубоко раскроил мне череп, разрубив и каску и черную шелковую ермолку, которую я, по своему обыкновению, всегда надевал под нее. Я упал с лошади. Мюрат поспешил нам на выручку, но и он и весь его отряд - как-никак полторы тысячи человек промчались над моим телом. О смерти моей доложили императору, и он предосторожности ради (он все-таки любил меня) пожелал узнать, нет ли какой-нибудь надежды спасти человека, которому он был обязан успехом яростной атаки. Он послал двух хирургов отыскать меня и перенести в госпиталь, сказав им, вероятно, на ходу, так как у него были дела поважнее: "Подите посмотрите, жив ли еще мой бедный Шабер!" А эти окаянные лекаришки, видевшие, как надо мной пронеслись копыта коней двух полков, не удосужились даже пощупать мне пульс и заявили, что я мертв. Таким образом, вероятно, был составлен акт о моей кончине с точным соблюдением установленной законом формы.

Услышав столь ясное изложение фактов, хотя и странных, но все же весьма правдоподобных, молодой поверенный отложил бумаги, оперся локтем на стол и, склонив на руку голову, внимательно взглянул на своего посетителя.

- Знаете ли вы, сударь,- прервал он старика,- что я поверенный графини Ферро, вдовы полковника Шабера?

- Моей жены? Знаю, знаю, сударь. Я обращался к десяткам юристов, но все мои попытки остались тщетными: меня принимали за сумасшедшего, и в конце концов я решил поговорить с вами. О своих злключениях расскажу позже. Разрешите сначала ознакомить вас с фактами, объяснить, как все произошло,- конечно, в той мере, в какой я могу восстановить всю картину. Некоторые обстоятельства, кои ведомы одному отцу нашему предвечному, вынуждают меня говорить о многом лишь предположительно.

Итак, сударь, полученные мною ранения, очевидно, вызвали у меня столбняк или же я был поражен иным недугом, близким к болезни, именуемой, если не ошибаюсь, каталепсией. Как иначе истолковать то, что, по обычаям войны, я был раздет могильщиками донага и брошен в братскую могилу? Позвольте мне привести здесь одну подробность, ставшую мне известной значительно позже события, которое нельзя назвать иначе, как моей смертью. В тысяча восемьсот четырнадцатом году я встретил в Штутгарте бывшего вахмистра моего полка. Этот славный малый, единственный, кто пожелал признать меня и о котором я расскажу в свое время, открыл мне тайну моего чудесного спасения. По его словам, моя лошадь была ранена ядром в бок как раз в тот момент, когда мне был нанесен ужасный удар. Конь и всадник рухнули наземь одновременно, как картонные фигурки. Я упал направо или налево - не знаю уж,- а на меня, должно быть, свалился труп моего коня, укывший меня от лошадиных копыт и смертоносных ядер.

Когда я пришел в себя, то оказался в положении и в обстановке столь исключительных, что мне нечего и надеяться дать вам, сударь, представление о них, рассказывай я хоть до завтрашнего утра. Я задыхался в зловонном воздухе. Хотел пошевелиться, но был стиснут со всех четырех сторон. Я открыл глаза, но не увидел ничего. Недостаток воздуха был, пожалуй, страшнее всего, и мне стало окончательно ясно, в каком положении я нахожусь. Я понял, что туда, где я очутился, закрыт доступ свежего воздуха и что мне грозит неминуемая гибель. При этой мысли я вдруг позабыл о жгучей боли, от которой очнулся. В ушах у меня нестерпимо гудело. Я услышал, или по крайней мере мне почудилось, что услышал, стенания сонма мертвецов, среди коих покоился и я. Хотя воспоминания мои об этих мгновениях весьма сбивчивы, хотя в памяти у меня все смутно, но и теперь, несмотря на перенесенные мною впоследствии еще горшие муки, затуманившие мое сознание, мне иной раз целыми ночами напролет слышатся эти приглушенные стоны! Все же страшней этих стонов была тишина, которой я до того и представить себе не мог,- подлинно могильная тишина!

Наконец, подняв кверху руки, ощупывая мертвые тела, я обнаружил пустоту между моей головой и верхним слоем трупов. Я мог, таким образом, измерить пространство, отпущенное мне милостью случая, объяснить который я не берусь. Скорее всего по нерадению или в спешке могильщики побросали нас в яму навалом, и два трупа легли надо мной крест-накрест, образуя угол, вроде двух карт, как кладет их дитя, строя карточный домик. Шаря вокруг себя с лихорадочною поспешностью, потому что медлить в моем положении не приходилось, я, к счастью, наткнулся на чью-то оторванную руку, ручищу Геркулеса, которой я и обязан своим спасением. Без этой неожиданной подмоги мне бы несдобровать! Можете себе представить, с каким яростным упорством я стал пробиваться сквозь трупы, которые отделяли меня от слоя земли, прикрывшего нас, - я говорю "нас", как будто там были живые! Трудился я, поверьте, неистово - иначе, сударь, меня бы не было здесь перед вами. Но и по сей день я не могу постичь, как это мне удалось пробиться сквозь груды тел, преграждавших мне доступ к жизни. Вы возразите, что у меня имелась третья рука! И правда, действуя с немалой ловкостью этим рычагом, я раздвигал трупы и, дыша спертым воздухом, рассчитывал каждый свой вздох. Наконец я увидел свет, сударь, но он пробивался сквозь снег! В эту самую минуту я заметил, что у меня рассечен череп. К счастью, запекшейся кровью - моей собственной и кровью моих товарищей, а быть может, и лоскутом шкуры павшего моего коня - кто знает! облепило мне голову, как пластырем. Но когда мой череп коснулся снега, я, несмотря на эту защитную корку, все же лишился чувств. Однако малой толики тепла, тлевшего еще в моем теле, оказалось достаточно, чтобы растопить слой снега, и когда я пришел в себя, я увидел над своей головой небольшое отверстие и стал кричать из последних сил. Но солнце еще только вставало над горизонтом, и мог ли я надеяться, что меня услышат? Да и была ли в поле хоть одна живая душа? Я приподнялся, напрягая ноги, с силой упираясь в трупы, у которых, на мое счастье, оказались весьма крепкие ребра. Вы сами поймете, сударь, что вряд ли уместно было бы обратиться к ним в такую минуту со словами: "Хвала вам, погибшие храбрецы!" Короче, в течение нескольких часов я невыносимо страдал, если только это слово может передать мою ярость при виде проклятых немцев, которые, заслышав человеческий голос там, где не видно было ни одного живого существа, улепетывали со всех ног. Наконец меня спасла какая-то женщина - у нее хватило смелости, а быть может, просто любопытства, приблизиться к моей голове, казалось, вдруг выросшей прямо из земли, как гриб. Женщина сбегала за своим мужем, и они вдвоем перенесли меня в свою убогую лачугу. Должно быть, у меня снова началась каталепсия, - разрешите мне воспользоваться этим словом, дабы определить состояние, о котором мне самому ничего не известно, которое, судя по рассказам моих спасителей, являлось симптомом именно этого недуга.

Целых полгода я находился между жизнью и смертью, то не мог произнести ни слова, а то бредил. Наконец мои хозяева устроили меня в госпиталь, находившийся в Гейльсберге. Вы понимаете, сударь, что я вышел из чрева земли столь же нагим, как из чрева матери; и когда через шесть месяцев, придя в сознание и вспомнив, что я полковник Шабер, я потребовал, чтобы сиделка оказывала мне больше почтения, чем неизвестному бродяге, каким меня здесь считали, все мои товарищи по палате чуть не умерли со смеху. К счастью для меня, хирург из самолюбия поручился за мое выздоровление и, вполне естественно, заинтересовался своим больным. Когда я подробно рассказал ему мою прежнюю жизнь, этот славный малый - звали его Шпархман распорядился официально засвидетельствовать, с соблюдением всех юридических формальностей, требуемых местным законодательством, мое чудесное спасение из братской могилы, день и час, когда меня подобрала моя благодетельница и ее супруг, характер, точную картину моих ранений и присовокупил к этим многочисленным протоколам подробное описание моей внешности. Но, сударь, у меня на руках нет ни этих важнейших бумаг, ни моего показания, засвидетельствованного гейльсбергским нотариусом, на предмет установления моей личности. Когда военные действия вынудили меня покинуть Гейльсберг, я начал скитаться по свету, выпрашивая корку хлеба. Меня чурались, как сумасшедшего, когда я пытался рассказать свои

злключения; я не мог заработать ни гроша, чтобы оплатить бумаги, которые могли доказать правоту моих слов и вернуть мне мое место в обществе. Нередко немощи удерживали меня на целые месяцы в каком-нибудь городишке, где хоть и заботились о больном французе, но смеялись ему прямо в лицо, когда он пытался доказать, что он полковник Шабер. Долгое время насмешки и недоверие приводили меня в бешенство, но эти вспышки только вредили мне и явились причиной моего заточения в штутгартский сумасшедший дом. По правде говоря, вы сами можете судить из моих рассказов, что имелось немало оснований упрятать меня туда.

Я провел в сумасшедшем доме два года и сотни раз вынужден был выслушивать пояснения моих сторожей: "Вот несчастный, вообразивший себя полковником Шабером!" - и замечания сердобольных посетителей. В конце концов я и сам уверился в неправдоподобности моих злключений: я смирился, стал тихим, покорным и уже не называл себя полковником Шабером, лишь бы только выбраться на волю, увидеть Францию. О сударь, вновь увидеть Париж! Я был одержим этой...

Не докончив фразы, полковник Шабер впал в глубокое раздумье, которое Дервиль из уважения к своему необычайному просителю не решался прервать.

- Итак, сударь,- продолжал полковник,- в один прекрасный день, в прекрасный весенний день мне вручили десять талеров и выпустили на волю на том основании, что я обо всем рассуждаю вполне здраво и более не называю себя полковником Шабером. И, поверьте, с того дня, да и сейчас еще временами, мне ненавистно мое собственное имя. Я желал бы не быть самим собой. Меня убивает сознание моих прав. О, если бы болезнь унесла с собой память о прежней моей жизни, я был бы счастлив! Я поступил бы под вымышленным именем на военную службу и, кто знает, стал бы, возможно, фельдмаршалом в Австрии или в России!

- Сударь,- сказал поверенный,- я и сам не знаю, что подумать. Я слушал вас как во сне. Умоляю вас, передохнем немного.

- Сударь, вы единственный человек,- с грустью произнес полковник,который согласился терпеливо выслушать меня. Ни один юрист не пожелал дать мне взаймы десяти наполеондоров, чтобы я мог получить из Германии бумаги, необходимые для ведения дела...

- Какого дела? - спросил Дервиль, который, слушая рассказ своего посетителя о прошлых страданиях, забыл о его теперешнем плачевном положении.

- Как, сударь, разве графиня Ферро не моя жена? У нее тридцать тысяч ливров годовой ренты, моей собственной ренты, а она не хочет дать мне ни гроша. Когда я излагаю все это юристам, то есть людям здравого смысла; когда я, нищий, предлагаю начать дело против графа и графини; когда я, мертвец, восставший из могилы, оспариваю свидетельство о смерти, брачное свидетельство и свидетельство о рождении, законники выпроваживают меня прочь: кто с ледяной вежливостью, которую вы, знатоки права, умеете напускать на себя, чтобы отделаться от назойливого бедняка, кто грубо, как полагается людям, решившим, что перед ними мошенник или безумец. Я был погребен под горами мертвецов, а ныне я погребен под горами бумаг, судебных дел; я раздавлен живыми людьми, целым обществом, которое жаждет упрятать меня вновь в могилу

- Соблаговолите же,- сказал адвокат,- продолжить ваш рассказ.

- Соблаговолите...- повторил несчастный, схватив за руку молодого юриста.- Соблаговолите - вот первое уважительное слово, обращенное ко мне с тех пор, как...

Полковник заплакал. Голос его пресекался от переполнявшей его благодарности. То проникновенное и неизъяснимое красноречие, которое проявляется во взгляде, в жесте, даже в самом молчании, окончательно убедило Дервиля и растрогало его до глубины души.

- Послушайте,- обратился он к своему посетителю,- нынче вечером я выиграл триста франков. Я могу употребить половину этой суммы на доброе дело. Я начну розыски и постараюсь раздобыть бумаги, о которых вы говорили, а пока они не придут, буду выдавать вам по сто су на день. Если вы действительно полковник Шабер, вы простите мизерность этой суммы молодому человеку, только еще начинающему свою карьеру.

Продолжайте!

Незнакомец, именовавший себя полковником Шабером, несколько секунд сидел в глубоком оцепенении - очевидно, безмерные несчастья вконец разрушили его веру в человека. Если он и стремился вернуть себе свою воинскую славу, свое состояние, свое имя, то, быть может, он действовал, лишь повинуюсь тому необъяснимому чувству, росток которого пробивается в каждом сердце и которому мы обязаны изысканиями алхимиков, жаждою славы, открытиями астрономов и физиков - одним словом, всем, что заставляет человека стремиться к величию в своих деяниях и в своих идеях. В глазах такого человека свое собственное "я" - нечто второстепенное, подобно тому, как азартному игроку тщеславное удовлетворение и радость победы дороже самого выигрыша. Слова молодого юриста воскресили этого человека, которого целых десять лет отвергали его собственная жена, правосудие, все общественное устройство. И наконец получить от поверенного десять червонцев, в которых ему отказывали столько времени, столько людей и под столькими предложениями! Полковник напоминал сейчас ту даму, которая, проболев пятнадцать лет лихорадкой, приняла свое выздоровление за какой-то новый недуг. Есть радости, которым больше не веришь: они придут, они сверкнут, как молния, они испепелят. Признательность старика была так сильна, что он не мог выразить ее словами. Поверхностный наблюдатель счел бы его холодным, но Дервиль угадал под этой застывшей оболочкой безграничную честность. Плуту красноречие не изменило бы.

- На чем я остановился? - спросил полковник с наивностью ребенка или солдата, ибо нередко можно обнаружить что-то детское в испытанном воине, и еще чаще в ребенке живет воин, особенно во Франции.

- Вы остановились на том, что вас выпустили из сумасшедшего дома, подсказал поверенный.

- Вы знаете мою жену? - спросил полковник.

- Да,- ответил Дервиль, утвердительно наклонив голову

- Ну, как она?

- Как всегда, восхитительна.

Старик грустно махнул рукой,- он, казалось, старался подавить терзавшую его тайную муку с той величественной и суровой покорностью судьбе, какая свойственна людям, прошедшим сквозь огонь и кровь сражений.

- Сударь,- произнес он почти весело, ибо несчастный полковник почувствовал, что снова дышит, что он вторично выбрался из могильного рва и растопил слой снега куда более плотный, чем тот, который когда-то обледенел его череп, и теперь он вбирал воздух полной грудью, как выпущенный на свободу узник.- Сударь,- повторил он,- будь я молод, хорош собой, ничего подобного со мной не произошло бы. Женщины верят только тому мужчине, который уснащает свои речи словами любви. Вот тогда-то они начинают суетиться, хлопчут, интригуют, просят, молят, лезут из кожи вон, готовы под присягой подтвердить что угодно, способны черт знает на что ради того, кто им по сердцу. Какой же интерес мог представлять я для женщины? Я был страшнее покойника, в лохмотьях, я больше смахивал на эскимоса, чем на француза, и это я-то, я, слывший в тысяча семьсот девяносто девятом году первым щеголем, я - Шабер, граф Империи!

И вот в тот самый день, когда меня, как собаку, вышвырнули на улицу, я встретил вахмистра своего полка, о котором я вам уже говорил. Звался он Бутен. Этот бедняга да я составляли вдвоем невиданную по красе пару старых кляч Я встретил его на бульваре и сразу же его признал, а он никак не мог угадать, кто я такой. Мы вместе с ним зашли в кабачок. Когда я назвал себя, он оглушительно захохотал, как будто мортира загремела. Его смех, сударь, причинил мне, пожалуй, одно из самых глубоких огорчений: он открыл мне, и притом без всяких прикрас, как сильно я переменялся. Итак, я стал неузнаваем даже в глазах самого скромного, самого признательного своего друга! Некогда я спас жизнь Бутену, оплатив ему этим за такую же услугу. Не буду вам рассказывать, при каких именно обстоятельствах он спас меня от смерти. Произошло это в Италии, в Равенне. Нельзя назвать

вполне благопристойным тот дом, где Бутен отвратил от меня предназначавшийся мне удар кинжала. В то время я еще не дослужился до чина полковника, мы с Бутеном были простыми кавалеристами. К счастью, кое-какие подробности этой истории были известны только нам двоим, и когда я ему их напомнил, он заколебался. Потом я рассказал ему о всех приключениях необыкновенной моей жизни. Хотя, по его словам, мои глаза, голос неузнаваемо изменились, хотя у меня не осталось ни волос, ни зубов, ни бровей и я стал белым, как альбинос, все же Бутен после долгого допроса, из которого я вышел с честью, признал наконец в безвестном бродяге своего полковника. Он, в свою очередь, рассказал мне о приключениях, не менее удивительных, чем мои. Бутен побывал у границ Китая, куда он хотел пробраться, бежав из сибирского плена. Он поведал мне о провале похода в Россию и о первом отречении императора. Новость эта сразила меня. Мы были с ним точно два диковинных обломка крушения, и нас пронесло по всему земному шару, подобно тому как в бурю океанская волна перекачивает камешки от берега к берегу. Если посчитать наши с ним странствия, мы повидали Египет, Сирию, Испанию, Россию, Голландию, Германию, Италию, Далмацию, Англию, Китай, Среднюю Азию, Сибирь; только в Индии да в Америке не были... Наконец Бутен, который мог передвигаться свободнее, нежели я, вызвался немедленно отправиться в Париж и сообщить моей жене, в каком положении я очутился. Я написал госпоже Шабер пространное письмо. Четвертое по счету, сударь! Ничего подобного со мной не могло бы случиться, будь у меня родня. Но, надо вам сказать, я бывший питомец сиротского приюта, солдат, единственное достояние коего - мужество, семья - весь мир, родина - Франция, а предстатель и защитник - сам господь бог. Нет, неправда! У меня был родной отец - наш император! О, если бы он был здесь! Если бы увидел он своего Шабера - так он меня называл - в теперешнем моем виде, как бы разгневался он! Да что поделаешь! Закатилось наше солнышко, и всем нам теперь холодно...

Конечно, упорное молчание моей жены могло объясняться политическими событиями. Бутен отправился в путь. Счастливец, как ему повезло! Он водил двух белых медведей, прекрасно выдрессированных, и этим жил. Я не мог сопровождать его: из-за моих болезней я был не в состоянии делать длительные переходы. Я прошел вместе с ним и его медведями часть пути, насколько позволило мое плохое здоровье, и, когда нам пришлось распротиться, я зарыдал. В Карлсруэ у меня разыгралась невралгия головы, и я полтора месяца провалялся на соломе в какой-то харчевне... Мне никогда не кончить рассказа о злоключениях, выпавших на мою долю за время долгого бродяжничества. Однако муки душевные, перед которыми бледнеют телесные страдания, не возбуждают такой жалости, ибо они скрыты от человеческого взора. Помню, как я рыдал в Страсбурге, увидев тот дом, где некогда я задавал блестящие пиры, а сейчас не мог вымолить и корки хлеба.

Мы составили с Бутеном точный маршрут, которому я должен был следовать, и по пути я заглядывал в каждую почтовую контору, чтобы узнать, нет ли на мое имя денег или письма. Так ничего и не получив, добрался я до самого Парижа. Сколько надежд обмануло меня! "Бутен умер", - твердил я. И действительно, бедный малый погиб при Ватерлоо; много позже я случайно узнал о его смерти. Очевидно, его переговоры с моей женой ни к чему не привели. Наконец я вступил в Париж - одновременно с казаками. Новая боль в придачу к старой! Увидев русские войска в столице Франции, я забыл, что я гол и бос, без гроша в кармане. Да, сударь, мое платье превратилось в жалкое тряпье. Накануне мне пришлось заночевать в Клейском лесу. От ночной сырости я, вероятно, простудился, заболел и, проходя через предместье Сен-Мартен, почувствовал себя плохо. Я с трудом припоминаю, что упал у порога скобяной лавчонки. Очнулся я на койке городского госпиталя. Я пролежал там месяц и был почти счастлив. Вскоре меня выписали, по-прежнему я был без гроша, но зато я был бодр, зато я вступил на милые камни парижских улиц. С какой радостной поспешностью бросился я на улицу Монблан, где в моем особняке, вероятно, проживала моя жена! И что же оказалось! Улицу Монблан переименовали в Шоссе д'Антен. Я не нашел своего особняка. Его продали, снесли. Ловкие дельцы понастроили домов в моих садах. Я еще не знал тогда, что моя жена вышла замуж за господина Ферро, и не мог поэтому

добиться никаких сведений о ней. Наконец я отправился к старику стряпчему, который раньше вел мои дела. Он скончался, передав свою клиентуру молодому преемнику. Последний сообщил мне, к величайшему моему изумлению, что все мое имущество перешло к наследникам и распродано, жена моя вышла замуж и у нее двое детей. Когда я открыл ему, что я полковник Шабер, он расхохотался от всей души, и я молча удалился, не вступая в дальнейшие объяснения. Я не забыл о штургартском сумасшедшем доме и, вспомнив о Шарантоне, решил действовать с осторожностью. Узнав, где живет моя жена, я отправился к ней, преисполненный самых радужных надежд. И что же! - произнес полковник, сдерживая гневное движение.- Меня не приняли, когда я попросил доложить о себе под вымышленным именем, и меня выставили за дверь, когда я явился под своей собственной фамилией. Для того, чтобы хоть мельком увидеть графиню, возвращающуюся на рассвете с бала или из театра, я поджидал целыми ночами, притаившись под воротами особняка. Взглядом я пытался проникнуть в окно кареты, вихрем пронесившейся мимо меня, и лишь мгновение я видел женщину, которая по праву принадлежит мне и теперь уже не моя. О, с этого дня я стал жить только мщением! - глухо вскричал старик, вскочив со стула.- Она знает, что я жив, она получила от меня со времени моего возвращения два письма, написанных моей собственной рукой. Она не любит меня! А я, я не знаю даже, люблю ли я ее или ненавижу! То я стремлюсь к ней, то проклиная ее имя. Она обязана мне своим состоянием, своим счастьем - и не пожелала помочь мне хоть чем-нибудь. Подчас я не знаю, что мне с собой делать!

С этими словами старый полковник опустился на стул и снова впал в оцепенение. Дервиль молча глядел на своего посетителя.

- Да, дело серьезное,- произнес он наконец почти машинально.- Допустим даже, что подлинность бумаг, находящихся в Гейльсберге, будет установлена,это еще отнюдь не означает, что мы тут же выиграем процесс. Ваше дело будет рассматриваться последовательно в трех инстанциях. Случай ваш совершенно исключительный, и я хотел бы поразмыслить о нем на досуге.

- Сударь,-холодно сказал полковник, гордо вскидывая голову,- если я паду в борьбе, я сумею умереть, но я умру не один.

Прежнего дряхлого старца как не бывало. Перед Дервилем был человек, полный энергии, в глазах которого вспыхнул огонь страсти и мщения.

- Возможно, придется пойти на взаимные уступки,- сказал поверенный.

- На уступки?! - гневно спросил полковник Шабер.- В вопросе о том, жив я или мертв?

- Сударь,- ответил поверенный,- я твердо рассчитываю, что вы во всем будете следовать моим советам. Ваши интересы станут моими личными интересами. В скором времени вы убедитесь, какое участие я проявляю к вашему делу, почти не имеющему себе подобных в анналах юриспруденции. А сейчас я дам вам письмо к моему нотариусу, и он будет выплачивать вам под расписку по пятидесяти франков каждые десять дней. Вам не пристало ходить за деньгами сюда. Если вы действительно полковник Шабер, вы не должны зависеть от чьей-либо милости. Я оформлю эти суммы как долговое обязательство. У вас есть состояние, которое должно быть вам возвращено, вы богаты.

При этом новом проявлении душевной чуткости старик залился слезами. Дервиль быстро поднялся со стула, ибо юристу не к лицу выказывать волнение; он прошел в кабинет и вынес оттуда незапечатанное письмо, которое вручил графу Шаберу. Когда бедняга взял конверт, он сквозь бумагу почувствовал под пальцами две золотые монеты.

- А теперь, будьте любезны, перечислите документы, укажите точно город, королевство,- сказал Дервиль.

Полковник продиктовал поверенному все нужные данные, проверил начертание имен собственных; затем он взял шляпу, взглянул на Дервиля и, протянув ему руку, мозолистую руку, просто сказал:

- Клянусь, сударь, после императора вы будете первым моим благодетелем. Вы - молодец.

Поверенный крепко пожал протянутую ему руку, проводил полковника до лестницы и посветил ему.

- Букар,- обратился Дервиль к своему письмоводителю,- я только что прослушал историю, которая, чего доброго, обойдется мне в двадцать пять луидоров. Если они и пропадут - пускай, беда не велика. Зато я вправе буду считать, что видел самого ловкого комедианта наших дней.

Когда полковник очутился на улице, он вынул из конверта две золотые монеты по двадцать франков, вложенные в письмо поверенным, и внимательно оглядел их при свете фонаря. Девять лет он не видал золота.

"Значит, теперь мне можно будет курить сигары!" - подумал он.

Месяца через три после ночной беседы полковника Шабера с Дервилем нотариус, который выплачивал по поручению последнего пособие, назначенное странному посетителю, зашел как-то в контору посоветоваться с юристом по одному важному делу и с первых же слов сообщил, что уже выдал старому солдату шестьсот франков.

- Тебе, видно, больше делать нечего, как поддерживать старую гвардию, сказал нотариус, по фамилии Кротта; он только что приобрел контору, где работал письмоводителем, пока владелец ее не сбежал после краха, наделавшего немало шума.

- Я весьма благодарен тебе, дорогой, что ты напомнил мне об этом деле,- ответил Дервиль.- Благотворительность моя не пойдет дальше двадцати пяти луидоров! Боюсь, что я оказался жертвой своего патриотизма.

При этих словах Дервиль кинул взгляд на свой письменный стол и увидел бумаги, принесенные письмоводителем. В глаза ему бросился конверт, весь в продолговатых, квадратных, треугольных, красных и синих марках, наклеенных в прусских, австрийских, баварских и французских почтовых конторах.

- Ага,- произнес он со смехом,- вот она, развязка комедии! Сейчас увидим, провели меня или нет.

Он взял письмо, вскрыл конверт, но не мог прочитать ни слова: письмо было написано по-немецки.

- А ну-ка, Букар, немедленно отнесите письмо переводчику и поскорее возвращайтесь,- сказал Дервиль, приоткрыв дверь кабинета и протягивая пакет своему письмоводителю.

Берлинский нотариус, к которому обратился Дервиль, сообщал, что затребованные бумаги придут вслед за сим уведомлением. Все документы, писал он, находятся в полном порядке и засвидетельствованы в соответствии с требованиями закона. Помимо того, он извещал что почти все свидетели происшествий, упоминаемых в протоколе, живут в городе Прейсиш-Эйлау, а женщина, которой граф Шабер обязан своим спасением, проживает в одном из предместий Гейльсберга.

- Да, это уже не шутки! - воскликнул Дервиль, когда Букар вкратце изложил ему содержание письма. - Вот что, любезный друг,- обратился он к нотариусу,- мне понадобятся кое-какие сведения, которыми располагает твоя контора. Если не ошибаюсь, как раз у этого старого мошенника Рогена...

- Мы зовем его неудачником Рогеном, злосчастным Рогеном,- прервал его, смеясь, Александр Кротта.

- Если не ошибаюсь, как раз у этого "неудачника Рогена", который прихватил восемьсот тысяч франков у своих доверителей и пустил по миру десятки семей, как раз у него, если не ошибаюсь, велось дело о ликвидации наследства Шабера. Помнится, я встречал подобное указание в делах Ферро.

- Верно,- ответил Кротта,- тогда я был еще младшим писцом. Мне пришлось переписывать это дело, и я, таким образом, изучил его вдоль и поперек. Роза Шапотель, супруга и вдова Гиацинта Шабера, графа Империи, кавалера большого офицерского креста Почетного легиона, вступила с ним в брак без контракта - следовательно, на основе общности имущества. Сколько могу припомнить, наличный капитал равнялся шестистам тысячам франков. Еще до свадьбы граф Шабер составил завещание в пользу парижских

приютов: им он отказывал четверть наличности своего состояния, имевшегося ко дню его кончины; другую четверть должна была наследовать казна. Тут же состоялись опись, раздел, торги, ибо юристы взялись за дело горячо. В момент ликвидации изверг, правивший тогда Францией, особым указом вернул вдове полковника долю, причитающуюся казне.

- Следовательно, личное состояние графа Шабера не превышало бы трехсот тысяч франков?

- Правильно, дружище,- ответил Кротта.- Вы, поверенные, иной раз рассуждаете вполне здраво, хотя вас и обвиняют в криводушии, так как вы готовы защищать без различия и правого и виноватого.

Граф Шабер - он указал свой адрес на первой расписке, выданной им нотариусу,- проживал в предместье Сен-Марсо, на улице Пти-Банкье, у бывшего квартирмейстера императорской гвардии, занимавшегося теперь продажей молочных продуктов; звался он Верньо. Добравшись до места, Дервиль пустился на розыски своего клиента пешком,- его кучер наотрез отказался ехать по немощеной улице, да и колеи там были чересчур глубоки для легкого кабриолета. Внимательно присматриваясь к постройкам, поверенный с трудом отыскал на том конце улицы, который примыкал к бульвару, между двух стен, сложенных из щебня и глины, два невзрачных каменных столба; хотя их и защищали деревянные тумбы, они были сильно побиты колесами проезжавших мимо телег. Столбы эти поддерживали балку с островерхим черепичным навесом. Выведенная по балке красным надпись гласила: Верньо, молочные продукты. Справа была изображена корзина с яйцами, а слева корова - все это, намалеванное одной белой краской. Ворота стояли настежь: очевидно, их так и не запирали в течение всего дня. Прямо против ворот, в глубине довольно просторного двора, виднелся дом, если только уместно применить это слово к лачугам парижских предместий, не идущим ни в какое сравнение даже с самыми бедными деревенскими хижинами; они так же убоги, но лишены поэтической прелести последних. В самом деле, хижине, стоящей среди полей, придают очарование чистый воздух, зелень, луга, холмы, извилистая тропка, виноградник, живая изгородь, стог сена, брошенная лопата или мотыга; в столице же нищета величественна только тем, что страшна. Хотя дом и выстроили недавно, но казалось, он вот-вот рухнет. Ни один строительный материал не пошел по своему прямому назначению, все было набрано среди разного хлама у разрушенных домов, а их в Париже сносят ежедневно. На сбитом из старых досочек ставне Дервиль прочел уцелевшую надпись: Магазин мод. Окна разных размеров были пробиты в самых неожиданных местах. Нижний этаж, очевидно, единственная пригодная для жилья часть дома, одной своей стороной поднимался довольно высоко, а на другой стороне из-за неровности почвы окна вросли в землю. Между воротами и домом стояла огромная зловонная лужа, куда стекала дождевая вода и выплескивались помои. Вдоль стены, довольно еще прочной на вид и служившей опорой для ветхой лачуги, выстроились в ряд затянутые проволокой клетки, где кролики выводили свое многочисленное потомство. Справа от ворот виднелся коровник с сеновалом. Между коровником и домом помещался погреб для хранения молочных продуктов. Слева были расположены птичий двор, конюшня и навес для свиней; все эти строения и самый дом были сбиты из старых досок и скудно крыты камышом. Как и во всех уголках, где готовится для прожорливого Парижа ежедневная грандиозная трапеза, во дворе, куда вошел Дервиль, замечался беспорядок, неизбежный, когда во что бы то ни стало требуется поспеть к намеченному часу. Огромные, с помятыми боками жестяные бидоны, в которых перевозят молоко, и горшки из-под сливок валялись перед погребом вперемешку с затычками из тряпья. Какая-то ветошь, предназначенная для вытирания посуды, сохла на солнце на веревках, протянутых между жердями. Смирная лошадка, из той породы, что водится только у одних владельцев молочных, переступила оглобли и остановилась перед запертой конюшней. Коза обглаживала чахлые, пропыленные виноградные лозы, выющиеся вдоль желтой, растрескавшейся стены. Кошка, вспрыгнув на край горшка, лакала остатки сливок. Куры, испуганные появлением Дервиля, с клохтаньем бросились врассыпную, а сторожевой пес залился лаем.

"И здесь живет человек, решивший исход битвы при Эйлау!" - подумал Дервиль, охватывая взглядом открывшуюся перед ним непривлекательную картину.

Дом был оставлен на попечение трех мальчуганов. Один из них, взгромоздившись на воз свежескошенной травы, швырял камни в соседнюю трубу, нороя, очевидно, попасть в кастрюлю, стоящую на очаге. Второй мальчишка старался втащить свинью на ручную тележку, упирающуюся оглоблями в землю, а третий, повиснув на другом конце, ждал момента, когда свинья ступит на край тележки, чтобы подкинуть ее кверху, как на качелях. Когда Дервиль обратился к ним с вопросом, здесь ли проживает господин Шабер, мальчики промолчали, дружно уставившись на незнакомца с какой-то лукавой тупостью, если только позволительно сочетать два эти слова. Дервиль повторил свой вопрос, но безуспешно. Наконец насмешливый вид трех сорванцов вывел его из себя, и поверенный отпустил несколько шуточных ругательств, дозволенных, по мнению молодых людей, в обращении с проказниками-мальчишками, а они в ответ залились грубым смехом, нарушив тишину, царившую во дворе. Дервиль рассердился. На шум из темной, низкой каморки, расположенной возле погреба, вышел полковник и стал на пороге с непередаваемой, чисто солдатской невозмутимостью. В зубах у него дымилась на диво обкуренная трубка специальный термин курильщиков,- дешевенькая глиняная трубка, именуемая в просторечии носогрейкой. Он сдвинул со лба козырек невероятно засаленной фуражки, заметил Дервиля и быстро зашагал к своему благодетелю прямо по навозной жиже, на ходу по-приятельски крикнув сорванцам:

- Рота, смирно!

Мальчишки почтительно замолчали, что свидетельствовало о непререкаемой власти, какую имел над ними старый полковник.

- Почему вы мне не написали? - спросил Шабер поверенного.- Держитесь коровника, там мощеная дорожка! - крикнул он, заметив, что Дервиль стоит в нерешительности, опасаясь замочить ноги в навозной жиже.

Перепрыгивая с камня на камень, Дервиль добрался наконец до двери, ведущей в каморку полковника. Чувствовалось, что Шаберу неприятно принимать гостя в такой неприглядной обстановке. И в самом деле, Дервиль заметил в комнате только один-единственный стул. Ложе полковнику заменяли две - три охапки сена, на которые хозяйка накинула рваные, неизвестно где подобранные коврики,- такими ковриками молочницы обычно застилают скамейки своей тележки. Пол был земляной, плотно утрамбованный. От стен, покрытых плесенью, позеленевших и растрескавшихся, шла такая сырость, что на той стене, у которой спал полковник, прибили камышовую циновку. Знаменитая шинель висела прямо на гвоздике. В углу валялись две пары разбитых сапог. Никакого намека на белье. На источенном червями столе лежали раскрытые "Бюллетени великой армии", переизданные Планше,- очевидно единственная отрада полковника, хранившего среди этой нищеты ясное, безмятежное выражение лица. Со времени ночного визита к поверенному, казалось, изменились даже самые черты лица Шабера, и теперь Дервиль прочел на нем следы блаженных мечтаний, ни с чем не сравнимый отблеск надежды.

- Вам трубка не помешает? - спросил полковник, подставляя Дервилю стул с продавленным плетеным сиденьем

- Но, полковник, вы здесь ужасно скверно устроены!

Слова эти вырвались у Дервиля вследствие естественной для юристов недоверчивости и вследствие того прискорбного опыта, который они приобретают еще в самом начале карьеры, присутствуя при страшных в своей обыденности драмах.

"Эге,- подумал поверенный,- все ясно! Полковник, следуя трем каноническим добродетелям воина, истратил мои денежки на карты, вино и на женщин".

- Что верно, то верно, сударь: роскошью мы здесь не блещем. Зато этот шалаш согрет дружбой, зато (при этих словах старый солдат бросил на юриста пронизательный взгляд), зато я никого не обидел, никого не унизил, и сплю я здесь спокойно...

Дервиль счел неделикатным спрашивать у своего клиента, куда он израсходовал

полученные у нотариуса суммы, и решил поэтому ограничиться вопросом:

- Почему бы вам не перебраться в Париж? Жизнь там обошлась бы немногим дороже, а вы устроились бы удобнее.

- Но,- возразил полковник,- славные люди, приютившие меня здесь, кормили меня даром в течение целого года. Как же я могу бросить их теперь, когда у меня завелись деньги! Да и отец вот этих мальчишек - старый египтянин.

- Как так "египтянин"?

- Мы зовем египтянами солдат, возвратившихся из египетского похода, в котором принимал участие и я сам. Ведь все мы, вернувшиеся из Египта домой, так сказать, братья, а Верньо к тому же служил в моем полку, мы делились с ним в пустыне последним глотком воды; наконец, я еще не успел обучить его ребят грамоте.

- Все-таки за ваши деньги он мог бы вас устроить поудобнее.

- Что вы хотите! - воскликнул полковник - Его ребята тоже спят на соломе! Да и у него самого с женой постель не лучше. Они, видите ли, очень бедны, и их заведение им не по средствам. Вот когда я верну свое состояние... Да что говорить!

- Полковник, завтра или послезавтра я получу из Гейльсберга ваши бумаги. Ваша спасительница жива.

- Проклятые деньги! И подумать только, что у меня их нет! - вскричал Шабер, хватив трубкой об пол.

Обкуренная трубка для истинного любителя - подлинная драгоценность, но полковник швырнул ее в таком естественном порыве души, таким благородным движением, что самые завзятые курильщики мира, да и само управление табачной монополии простили бы ему это святотатство. Ангелы не отказались бы подобрать с земли осколки этой носогрейки.

- Полковник, ваше дело на редкость сложное,- произнес Дервиль, когда они вышли из комнаты, чтобы пройтись по солнышку вдоль стены.

- А мне,- возразил полковник,- оно представляется на редкость простым. Меня считали мертвым, но я вот он - перед вами! Верните мне жену и состояние; дайте мне чин генерала, на что я имею все права: ведь еще до битвы при Эйлау я был полковником императорской гвардии.

- В судебном мире,- ответил Дервиль,- дела делаются не так. Выслушайте меня. Вы граф Шабер, не спорю; но ведь придется доказывать это в юридическом порядке, и притом людям, заинтересованным в обратном,- людям, которым выгодно отрицать ваше существование. Итак, ваши бумаги будут оспаривать. Это повлечет за собой десять - двенадцать предварительных обследований. Все эти споры будут доведены до высшей инстанции и, в свою очередь, повлекут за собой целый ряд дорогостоящих процессов, а они затянутся надолго, как бы энергично я ни действовал. Противники ваши потребуют расследования, мы не можем его отвергнуть, и, пожалуй, понадобится еще послать следственную комиссию на место, в Пруссию. Но предположим самое благоприятное: допустим, что закон незамедлительно признает вас полковником Шабером. Как же будет решен вопрос о двоемужестве графини Ферро, вполне, впрочем, непредумышленном? В вашем деле правовая сторона не укладывается в рамки существующих законов, и судьи могут действовать, только следуя голосу совести, так поступают присяжные при решении запутанных вопросов, порождаемых социальной причудливостью некоторых уголовных процессов. К тому же от вашего брака детей не было, а у графа Ферро от вашей жены есть двое детей; судьи могут объявить недействительным первый брак, узы коего более слабы, и признать законным второй брак, поскольку будет доказано отсутствие злого умысла у супругов. Хороши же будут ваши моральные позиции, если вы в вашем возрасте, в том положении, в котором вы находитесь, захотите насильно вернуть себе женщину, разлюбившую вас! Против вас будут и ваша жена и ее теперешний муж, люди высокого общественного положения, они могут повлиять на суд. Таким образом, налицо все предпосылки к длительному процессу. Вы успеете состариться, испытав при том самые жестокие горести.

- А мое состояние?
- Вы полагаете его значительным?
- Разве мой годовой доход не составлял тридцать тысяч ливров?

- Дорогой мой полковник, в тысяча семьсот девяносто девятом году, перед своей женитьбой, вы написали завещание, по которому отказали парижским приютам четверть вашего состояния.

- Правильно!

- Ну вот, вы были признаны погибшим,- следовательно, для того, чтобы выделить эту четвертую долю, пришлось провести опись и ликвидацию вашего имущества. Супруга ваша не постеснялась обмануть бедняков. В описи, где она, без сомнения, сочла излишним показать наличные деньги и драгоценности, указано лишь незначительное количество серебра, обстановка же оценена в одну треть подлинной ее стоимости,- чтобы увеличить долю графини или чтобы уменьшить сумму пошлины, а также потому, что обычно оценщики произвольно устанавливают стоимость имущества; по этой описи все ваше состояние определено было в шестьсот тысяч франков. Ваша вдова имела по закону право на половину имущества. Все было ею назначено к продаже, затем вновь ею же приобретено, на всем она сумела получить выгоду, а приютам досталось всего-навсего семьдесят пять тысяч франков. Далее, поскольку казна также выступила в роли вашего наследника, ибо супруга ваша не упоминалась в завещании, император особым указом вернул вашей вдове часть денег, причитающуюся государству. На что вы, собственно, говоря, имеете право? Только на триста тысяч франков, за вычетом расходов.

- И вы называете это правосудием?!- воскликнул ошеломленный полковник.

- Но.

- Нечего сказать, хорошо же оно, ваше правосудие!

- Другого у нас нет, мой бедный полковник. Вот вы сами теперь видите, что ваше дело совсем не такое простое, как вам казалось. Быть может, госпожа Ферро даже пожелает оставить себе часть, отданную ей императором.

- Раз она не вдова, указ не действителен...

- Согласен. Но ведь всегда можно оспаривать. Выслушайте же меня. В данных обстоятельствах, я полагаю, и для вас и для графини наилучший выход - пойти на мировую. Вы получите состояние более значительное, чем то, на которое вы имеете законное право.

- Но это значит продать свою жену?

- У вас будет двадцать четыре тысячи франков годового дохода, а при таком положении всегда найдется женщина, которая более подойдет к вам, чем бывшая ваша жена, и сумеет сделать вас счастливым. Я собираюсь нынче же захватить к графине Ферро, чтобы позондировать почву, но мне не хотелось предпринимать этот шаг, не предварив вас.

- Я поеду с вами.

- В таком виде?! - воскликнул поверенный.- Нет, нет, полковник, и еще раз нет! Вы загубите все дело.

- А мое дело можно выиграть?

- По всем статьям,- ответил Дервиль.- Но, дорогой мой полковник, вы не хотите понять одного. Я небогат, я еще до сих пор не расплатился за свою контору. Если суд и разрешит вам получить известную сумму в счет ваших будущих благ, то лишь после того, как признает в вас графа Шабера, награжденного большим офицерским крестом Почетного легиона.

- Ах да, я и забыл, что награжден большим офицерским крестом! простодушно воскликнул Шабер.

- Ну-с, а до того,- продолжал Дервиль,- нам придется вести тяжбу, платить адвокатам, получать и оплачивать решения суда, подмазывать судебных приставов, да и жить к тому же надо. Одни только предварительные расходы составят двенадцать - пятнадцать тысяч франков. У меня их нет, я буквально изнемогаю под тяжестью чудовищных процентов, которые выплачиваю лицу, ссудившему мне деньги на приобретение конторы. А вы? Где вы возьмете такую сумму?

Крупные слезы выступили на потухших глазах несчастного солдата и медленно скатились по его морщинистым щекам. Перед картиной этих трудностей он особенно ясно почувствовал свое бессилие. Общество и правосудие душили его, как мучительный кошмар.

- Я припаду,- сказал старик,- к подножию Вандомской колонны, я крикну во весь голос: "Я - полковник Шабер, который прорвал каре русских при Эйлау!" Бронза, и та меня признает.

- Вас тут же упекут в Шарантон.

При этом страшном упоминании воодушевление старого воина упало.

- А может быть, стоит попытаться счастья в военном министерстве?

- Это в канцеляриях-то?- возразил Дервиль.- Что ж, подите, но непременно имейте на руках составленный по всей форме документ, объявляющий недействительным акт о вашей кончине. Нынешние чиновники рады смести с лица земли приверженцев императора.

Полковник не произнес ни слова, с минуту он стоял, не шевелясь, глядя перед собой невидящими глазами, охваченный беспредельным отчаянием. Воинский судебный устав прост, он не знает никакой волокиты, он ведет к решениям крутым, но почти всегда справедливым. Шабер знал только это правосудие. Узрев перед собой лабиринт всяческих трудностей, куда ему предстояло вступить, взвесив, каких расходов потребуют эти странствия, старый солдат почувствовал, что той его силе, которая присуща лишь человеку и зовется волей, нанесен смертельный удар. Он понял, что для него невыносимо таскаться по судам, что в тысячу раз ему легче остаться бедняком, нищим, поступить простым кавалеристом в какой-нибудь полк, если только его туда примут. Физические и моральные страдания уже поразили его тело в самых чувствительных его органах. Его подтачивал один из тех недугов, для которых медицина не нашла еще имени, они не имеют постоянного очага и гнездятся в нервной системе, являющейся, по-видимому, самым уязвимым местом нашего организма; эту болезнь можно бы назвать "сплином несчастья". Как бы серьезен ни был этот невидимый, но, тем не менее, реально существующий недуг, при счастливом стечении обстоятельств излечиться от него возможно. Но достаточно какого-нибудь непредвиденного препятствия, какой-нибудь новой неожиданности, чтобы сломить ослабевшие пружины, породить нерешительность в действиях, необъяснимые, непоследовательные поступки, нередко наблюдаемые физиологами у людей, раздавленных горем,- и самый могучий организм окажется потрясенным до основания.

Дервиль сразу заметил, что полковник впал в глубочайшее уныние, и участливо обратился к нему:

- Мужайтесь, дело, несомненно, будет решено в вашу пользу. Теперь скажите: можете ли вы целиком положиться на меня, слепо повиноваться тому, что я сочту для вас наилучшим?

- Поступайте, как знаете,- ответил Шабер.

- Хорошо, но согласны ли вы предать в мои руки вашу судьбу целиком, как человек, идущий на смерть?

- А что, если я навсегда останусь без общественного положения, без имени? Разве я перенесу это?

- Я смотрю на дело иначе,- возразил поверенный.- Мы придем к полюбовному соглашению и уничтожим акт о вашей смерти и акт о вашем браке, дабы вы могли восстановить свои права. С помощью связей графа Ферро вам удастся исходатайствовать зачисление в списки армии с генеральским чином, и я не сомневаюсь, что вы добьетесь пенсии.

- Действуйте,- произнес Шабер,- я полагаюсь на вас.

- Я пришлю вам на подпись доверенность,- сказал Дервиль.- Прощайте, не падайте духом! Если вам понадобятся деньги, можете рассчитывать на меня.

Шабер с чувством пожал руку Дервилю; он так обессилел, что не мог проводить своего гостя и, прислонившись к стене, молча следил за ним взглядом. Как и все люди, не искусенные в тонкостях правосудия, он страшился этой непредвиденной борьбы.

Во время этой беседы из-за столба у ворот несколько раз выглядывал какой-то человек,- он, очевидно, поджидал на улице Дервиля и, действительно, окликнул его. Это был старик в синей куртке, в белых сборчатых штанах, вроде тех, какие обычно носят пивовары, и в меховом картузике. Его худое, морщинистое лицо имело какой-то бурый оттенок, но на скулах был смуглый румянец от тяжелого труда и постоянного пребывания на воздухе.

- Прошу прощения, сударь, что осмелился заговорить с вами,- обратился он к Дервилю, коснувшись его локтя,- но я вижу, что вы друг нашего генерала.

- Ну и что ж? - сказал Дервиль.- Почему это вы заинтересовались им? Да кто вы такой? - подозрительно спросил поверенный.

- Я Луи Верньо,- ответил тот.- Мне надо сказать вам несколько слов.

- Значит, это вы поместили графа Шабера в такую дыру?

- Извините, прошу прощения, сударь, это наша самая лучшая комната. Да будь у меня одно-единственное помещение, я все равно его отдал бы ему. Сам спал бы в конюшне. Человеку, перенесшему такие муки, да который к тому ж еще учит моих ребят грамоте, генералу, египтянину, первому лейтенанту, под началом которого я служил... Подумать только! Я устроил его у себя как только мог лучше. Я делил с ним все, что у меня было. Конечно, это не бог весть что: молоко, хлеб, яйца... Ничего не поделаешь, на войне по-военному... Поверьте, я от чистого сердца! Только он нас обидел...

- Обидел?

- Да, сударь, обидел, и еще как! Мое заведение, видите ли, мне не по средствам, и он это понял. Разогорчился старик и решил сам ходить за лошадью. Я ему говорю: "Помилуйте, генерал..." А он мне в ответ: "Экая важность... Неохота лентяйничать, я уж давненько всему научился!" А я, видите ли, выдал вексель под мое заведение некоему Градо. Вы, сударь, о нем слышали?

- Но, дружок, у меня нет времени болтать с вами. Как же это полковник вас обидел?

- Обидел нас, сударь, уж поверьте слову, это так же правильно, как то, что меня зовут Луи Верньо; жену мою довел до слез. Он узнал от соседей, что мы еще не внесли ни гроша в погашение нашего долга. Старый ворчун, не сказав никому ни слова, собрал все денежки, которые вы ему давали, разнюхал, у кого наш вексель, и погасил его. До чего же хитер! Мы с женой знали, что у него, у несчастного нашего старика, крошки табаку нет и что он сидит без курева. Ну, а сейчас у него каждое утро есть сигары. Уж лучше я самого себя заложу... А все-таки он нас обидел. Он нам много раз говорил, что вы человек добрый, вот поэтому-то я прошу вас - ссудите нам сто экю под наше заведение: мы тогда бы справили ему приличную одежду, обставили комнату. Он хотел с нами расплатиться, верно ведь? А получилось наоборот: теперь мы перед стариком в долгу... Ну и обижены, конечно. Обидел, и кого! Своих друзей. Грех ему так нас обижать! Слово честного человека так же точно, как меня зовут Луи Верньо: я лучше заложу самого себя, а денежки вам отдам.

Дервиль посмотрел на владельца молочной, потом отступил на несколько шагов, чтобы окинуть взглядом дом, двор, навозную кучу, конюшню, кроликов и трех мальчуганов.

"Право же,- подумал он,- одна из особенностей добродетели - ее несовместимость с чувствами собственника".

- Ну что же, ты получишь сто экю, а может, и больше. Но дам тебе их не я, а сам полковник, когда он разбогатеет и сможет тебе помочь. Мне не хочется лишать графа Шабера этого удовольствия.

- А скоро он разбогатеет?

- Скоро!

- Ах ты, господи боже мой, до чего же старуха моя обрадуется!

При этом дубленая морщинистая физиономия Луи Верньо так и расцвела.

"А сейчас,- подумал Дервиль, усаживаясь в кабриолет,- отправимся к нашему противнику! Скроем от него наши козыри, попытаемся узнать, какие карты у него на руках, и выиграем партию с первого же хода. Не мешало бы припугнуть. Противник наш - женщина. А чего больше всего боятся женщины? Женщины боятся только одного..."

Дервиль начал анализировать со всех сторон положение графини и погрузился в глубочайшее раздумье, хорошо знакомое великим политикам, когда, намечая планы будущих своих действий, они пытаются проникнуть в кабинетные тайны противника. И разве поверенные в какой-то степени не те же государственные мужи, с той только разницей, что на них лежат дела частных лиц?

Здесь необходимо бросить взгляд на положение графа Ферро и его супруги, чтобы оценить по достоинству дарование молодого юриста.

Отец графа Ферро, бывший советник Парижского парламента, эмигрировал во время террора и тем спас себе жизнь, но потерял состояние. Ферро-младший вернулся на родину в дни консульства и хранил неизменную верность Людовику XVIII, чьим приближенным был его отец еще до революции. Иными словами, он принадлежал к той части высородного Сен-Жерменского предместья, которая стойко противилась всем соблазнам Наполеона. Молодой граф - тогда его еще просто называли господин Ферро - слыл человеком больших способностей, и Наполеон начал заигрывать с ним, ибо победы над аристократией нередко льстили самолюбию императора не меньше, чем выигранные битвы. Графу посулили вернуть титул и непроданное имение, намекнув, что в дальнейшем он может рассчитывать на портфель министра или пост сенатора. Однако император потерпел поражение. Ко времени смерти полковника Шабера г-ну Ферро минуло двадцать шесть лет; у молодого человека не было состояния, но он был хорош собой, пользовался в свете несомненным успехом и считался гордостью Сен-Жерменского предместья. Графиня Шабер сумела захватить львиную долю состояния своего бывшего супруга и к середине второго года вдовства располагала примерно сорока тысячами ливров годового дохода, поэтому известие о ее свадьбе с молодым графом не вызвало скандала в придирчивых салонах Сен-Жерменского предместья. Довольный этим браком, отвечавшим его замыслам о слиянии старой и новой знати, Наполеон вернул г-же Шабер ту часть наследства полковника, которая причиталась казне. Однако надежды Наполеона были обмануты. Г-жа Ферро любила в молодом графе не только мужа, ее прельщала мысль проникнуть в надменное аристократическое общество, которое, будучи в упадке, все же господствовало над императорским двором. Этот брак удовлетворял не только страсть графини, но и ее тщеславие. Она стала светской дамой. Когда в Сен-Жерменском предместье поняли, что женитьба молодого графа отнюдь не была отступничеством, перед его супругой открылись двери всех салонов. Наступила Реставрация. Однако Ферро не слишком спешил делать политическую карьеру. Он понимал щекотливое положение, в котором находился Людовик XVIII, и принадлежал к числу посвященных, выжидавших момента, когда "закроется бездна революции", ибо эта фраза короля, вопреки насмешкам либералов, скрывала в себе некий политический смысл. Тем не менее по королевскому указу, упоминаемому в велеречивой фразе, которой открывается наше повествование, Ферро были возвращены два лесных угодья и земли, цены на которые значительно возросли за время секвестра. В эту пору граф Ферро был назначен членом государственного совета, а также управляющим департаментом, но он считал, что его политическая карьера еще только начинается.

Снедаемый честолюбивыми замыслами, граф взял к себе в качестве секретаря некоего Дельбека, разорившегося стряпчего, редкостного пройдоху, который в совершенстве владел всеми тайнами крючкотворства и вел личные дела г-на Ферро. Проныра достаточно ясно оценил свое положение при графе и из расчета решил быть честным. Он надеялся, войдя в доверие к своему принципалу, заполучить какую-нибудь доходную должность и свято оберегал хозяйские интересы. Поведение Дельбека настолько противоречило всей прежней его репутации, что он даже прослыл жертвой клеветы. С чисто женской проницательностью и чутьем графиня Ферро раскусила своего управляющего, стала зорко следить за ним и так искусно им руководила, что вскоре с его помощью ее личное состояние значительно приумножилось. Графиня сумела внушить Дельбеку, что она направляет действия г-на Ферро, и обещала выхлопотать для своего управляющего место председателя суда первой инстанции в одном из крупнейших городов, если он будет преданно служить ее интересам.

Надежда получить бессменную должность, а следовательно, выгодно жениться, стать депутатом и достичь в будущем высокого положения в политическом мире, сделала Дельбека верным рабом графини. Он не упустил ни одного из тех благоприятных случаев, которые во множестве представлялись в Париже ловким людям в первые три года Реставрации в связи с колебанием биржевых курсов и повышением цен на недвижимое имущество. Он утроил капиталы своей покровительницы, и сделал это с тем большей легкостью, что графиня не гнушалась ничем, лишь бы создать себе в короткий срок огромное состояние. Все расходы по дому она покрывала из служебных доходов мужа, желая сберечь свои деньги. И Дельбек усердно служил замыслам графини, подсказанным жадностью, не доискиваясь ее причин. Люди подобного сорта стремятся раскрыть только те тайны, разоблачение коих может принести выгоду им лично. Впрочем, Дельбеку эта жадность казалась вполне естественной, и он объяснял ее золотой горячкой, которой подвержено большинство парижанок, тем более, что осуществить все планы графа Ферро возможно было только при наличии огромного капитала; управляющий порой склонялся даже к мысли, что алчность графини вызвана привязанностью к супругу, в которого она все еще была влюблена. Сама же графиня погребла разгадку своего поведения в глубинах сердца. Ее тайна была для нее вопросом жизни и смерти, в этом лежала завязка всех событий этой повести.

В начале 1818 года Реставрация казалась незыблемой в своих основах, замыслы правительства, по мнению умов благонамеренных, должны были привести Францию к новому благоденствию; тогда в парижском обществе наметился поворот. Второй брак графини Ферро принес ей, таким образом, любовь, деньги, удовлетворение ее честолюбия. Г-жа Ферро, еще молодая и красивая, выступала в роли светской дамы и жила в атмосфере двора. Богатая сама, богатая по мужу, который слыл одним из самых способных людей роялистской партии, другом короля и возможным кандидатом на пост министра, графиня принадлежала к аристократии и делила с ней ее блистательные успехи. И вот среди всех этих триумфов графиню поразила душевная гангрена. Есть такие сокровенные чувства, которые мужчина при всем своем старании не может утаить от женщины. Вскоре после возвращения короля граф Ферро начал почти раскаиваться в своей женитьбе. Вдова полковника Шабера не принесла с собой никаких связей, и графу пришлось самому, без всякой поддержки пролагать себе путь, где его подстерегали козни и вражда. Затем, при свете холодного рассудка, он, возможно, обнаружил в своей жене кое-какие пробелы по части воспитания, мешавшие ей стать надежной помощницей в осуществлении его планов. Одна его острота по поводу женитьбы Талейрана открыла графине глаза, и она поняла, что если бы он вздумал жениться сейчас, ей никогда бы не стать графиней Ферро. Какая женщина простит своему супругу подобное раскаяние? И не из этого ли ростка возникают обиды, преступления, предательства? Легко представить себе, какая глубокая рана была нанесена этим острым словом сердцу графини, особенно если мы вспомним, что она боялась возвращения своего первого мужа! Она знала, что полковник Шабер жив, она отреклась от него. Не получая долгое время никаких известий, графиня решила, что он, подобно Бутену, погиб при Ватерлоо вместе с императорскими орлами. Тем не менее она задумала привязать к себе мужа самыми прочными узами - приковать его золотой цепью - и решила составить себе огромное состояние, чтобы второй ее брак стал нерасторжимым, даже если снова появится граф Шабер. Он появился, и графиня не могла понять, почему борьба, о которой она думала с содроганием, до сих пор еще не начинается. Быть может, какая-нибудь болезнь избавила ее от этого человека? Быть может, он просто сумасшедший? В этом случае ей на помощь придет Шарантон. Но она не желала посвящать в свою тайну ни Дельбека, ни полицию из боязни поставить себя в зависимость от них или же ускорить страшную развязку. В Париже есть немало женщин, которые, подобно графине Ферро, скрывают в душе чудовищную тайну или ходят по краю бездны; но со временем больное место немеет, и находятся еще силы, чтобы смеяться и веселиться.

"В положении графа есть нечто странное,- решил Дервиль, очнувшись от глубокой задумчивости, когда его кабриолет остановился на улице Варенн перед особняком Ферро.-

Почему он, человек богатый, пользующийся благоволением короля, до сих пор еще не назначен пэром Франции? Может быть, и вправду король, как говорит госпожа Гранлье, склонен из соображений политических преувеличивать значение этого титула и не раздает его направо и налево? К тому же сын советника парламента - это не Крильон, да и не Роган. Графу Ферро удастся войти в Верхнюю палату только с заднего хода. Но если его брак будет расторгнут, он, к великому удовольствию короля, может получить звание пэра по наследству от какого-нибудь престарелого сенатора, не имеющего сыновей, а только дочь. Что же, закинем для начала этот крючок и припугнем графиню", - думал он, поднимаясь по ступеням.

Дервиль, сам того не подозревая, разгадал тайный недуг графини, он нащупал язву, терзавшую г-жу Ферро. Дама эта приняла его в очаровательной зимней столовой за завтраком, играя с обезьянкой, прикованной цепочкой к деревянной стойке с железными перекладинами. На графине был изящный пеньюар; неубранные локоны выбивались из-под чепчика, придавая ее лицу задорное выражение. Она сияла свежестью и была весела. Стол сверкал серебром, позолотой, перламутром, в великолепных фарфоровых вазах стояли редкостные цветы. Увидев, в какой роскоши и в каком почете живет графиня Шабер, обогатившаяся на мнимой смерти своего мужа, меж тем как тот ютился у бедного торговца, среди коров и кроликов, Дервиль подумал: "Отсюда следует мораль: хорошенькая женщина ни за что на свете не захочет признать мужа, и даже любовника, в несчастном старике, который носит замызганную шинель, парик из пакли и дырявые сапоги".

На губах Дервиля появилась лукавая и едкая улыбка, выдав полуфилософские, полуиронические мысли, которые не могут не прийти в голову тому, кто прекрасно видит в силу своего положения подоплеку вещей под всяческими обманами, скрывающими семейную жизнь большинства парижан.

- Добрый день, господин Дервиль,- сказала графиня, не прерывая своего занятия: она поила кофе ручную обезьянку.

- Сударыня,- резко произнес поверенный, возмущившись небрежным тоном, которым графиня промолвила: "Добрый день, господин Дервиль",- я пришел к вам по весьма серьезному делу.

- Крайне сожалею, но графа нет дома.

- А я, сударыня, крайне восхищен этим обстоятельством. Было бы достойно сожаления, если бы он присутствовал при нашей беседе. Впрочем, от Дельбека я знаю, что вы предпочитаете вести ваши дела лично, не беспокоя графа.

- Тогда я велю позвать Дельбека,- сказала графиня.

- При всем его искусстве он вам сейчас не понадобится,- возразил Дервиль.- Послушайте, сударыня, достаточно одного слова, чтобы вы почувствовали всю серьезность положения. Граф Шабер жив!

- Уж не думаете ли вы привести меня в серьезное настроение такими небылицами? - спросила она, рассмеявшись.

Но графиня тут же была укрощена пристальным, каким-то пронизывающим взглядом Дервиля: этот взгляд проникал в тайники ее души, требуя немедленного ответа.

- Сударыня,- сказал Дервиль с холодной и язвительной важностью,- вы и не подозреваете размеров грозящей вам опасности. Я не буду говорить ни о неоспоримой подлинности бумаг, ни о неопровержимости доказательств, подтверждающих существование графа Шабера. Вы знаете также, что за сомнительное дело я не возьмусь. Если вы решитесь оспаривать наше требование признать недействительным акт о смерти, вы проиграете первый процесс, а это решит в нашу пользу и все остальные.

- О чем же вы намереваетесь говорить со мной?

- Не о полковнике, не о вас самой. Не буду также говорить о документах, которые могли бы выйти из-под пера искусного адвоката, располагающего весьма любопытными подробностями этого дела,- он может многое извлечь из писем, полученных вами от вашего первого мужа еще до свадьбы с графом Ферро.

- Все это ложь! - резко возразила графиня.- Никаких писем я от графа Шабера не

получала; а если кто-нибудь присвоил себе имя полковника, значит, это интриган, беглый каторжник, вроде Коньяра. Страшно даже подумать! Что же, по-вашему, полковник воскрес? Сам Бонапарт через своего адъютанта выразил мне соболезнование по поводу смерти полковника, и я по сей день получаю пенсию - три тысячи франков, назначенную мне палатой как его вдове. Я имела множество оснований гнать всех Шаберов, являвшихся ко мне, так же как я прогоню и тех, что вздумают еще явиться.

- По счастью, сударыня, мы здесь с вами один на один. Мы можем лгать, сколько нам заблагорассудится,- холодно произнес Дервиль, который, забавляясь в душе, намеренно разжигал гнев графини с целью вырвать у нее какое-нибудь неосторожное признание: прием, обычный у юристов, привыкших не терять спокойствия, тогда как их противники или клиенты выходят из себя. "Что ж, война так война",- подумал он и в мгновение ока измыслил подвох, чтобы сразу убедить графиню в слабости ее позиций.- Существует доказательство того, что первое письмо было вам вручено, сударыня, продолжал он,- а в этом письме содержались ценные бумаги.

- Неправда, никаких бумаг там не было!

- Значит, вы получили это письмо? - подхватил с улыбкой Дервиль. Видите, вы попались в первую же ловушку, поставленную вам юристом, а воображаете, что можете бороться с правосудием.

Графиня покраснела, затем побледнела, она закрыла лицо руками. Потом, поборов стыд и обрета хладнокровие, присущее подобным женщинам, она сказала:

- Поскольку вы поверенный человека, называющего себя графом Шабером, будьте любезны...

- Сударыня,- перебил ее Дервиль,- пока еще я ваш поверенный в такой же мере, как и полковника. Неужели вы полагаете, что я хочу потерять такую ценную доверительницу, как вы?! Но вы не хотите меня слушать...

- Говорите, сударь,- сказала она приветливо.

- Ваше состояние перешло к вам от графа Шабера, а вы оттолкнули этого несчастного. Вы так богаты, а граф по вашей милости вынужден побираться. Сударыня, адвокаты весьма красноречивы, когда дело красноречиво само по себе. Не забывайте, что в этом деле имеются обстоятельства, способные возбудить против вас общественное мнение.

- Что ж, сударь,- ответила графиня, разгневанная манерой Дервиля, сжигавшего ее на медленном огне,- допустим даже, что ваш Шабер существует, но у меня дети! Ради них суд утвердит мой второй брак, а я отделаюсь суммой в двести двадцать пять тысяч франков, вернув ее господину Шаберу.

- Сударыня, нам неизвестно, как взглянет суд на моральную проблему дела. Если, с одной стороны, имеются мать и двое ее детей, то с другой страдает человек, раздавленный несчастьями, состарившийся по вашей вине, из-за вашего жестокосердия. Где он найдет себе жену? Да и потом, вправе ли судьи преступить закон? С точки зрения закона, за вашим браком с полковником сохраняется приоритет. А кроме того, поскольку вы будете выставлены в черном свете, вы рискуете приобрести еще одного противника, и притом неожиданного. И от этой-то опасности я и хотел бы вас избавить

- Новый противник? - спросила графиня.- Кто же это?

- Граф Ферро, сударыня.

- Граф Ферро слишком привязан ко мне самой и слишком уважает меня как мать своих детей..

- Не говорите таких пустяков юристам,- прервал ее Дервиль,- мы привыкли читать в человеческих сердцах. Сейчас господин Ферро не имеет ни малейшего желания расторгнуть свой брак и, несомненно, обожает вас, но если кто-нибудь шепнет ему, что ваш брак могут признать недействительным и что вы, его супруга, будете клеймены общественным мнением как преступница...

- Он встанет на мою защиту.

- Нет, сударыня.

- Но чего ради он покинет меня?

- Для того, чтобы жениться на единственной дочери какого-нибудь пэра Франции и унаследовать от него это звание по указу короля.

Графиня побледнела.

"Попалась! - подумал Дервиль.- Теперь ты в наших руках, дело несчастного полковника выиграно".

- Тем более, сударыня,- сказал он вслух,- что совесть его будет спокойна, ибо речь идет не о каком-нибудь проходимце, а о человеке прославленном, о генерале, графе, кавалере ордена Почетного легиона, награжденном Большим офицерским крестом. Ежели человек этот потребует вернуть ему жену...

- Довольно, довольно, сударь!- сказала она.- Лучшего поверенного, чем вы, мне не надо! Как же быть?

- Идти на мировую.

- Любит ли он меня по-прежнему? - спросила графиня.

- Думаю, что иначе и быть не может.

При этих словах графиня гордо вскинула голову. Луч надежды зажегся в ее глазах; быть может, она рассчитывала сыграть на том чувстве, которое питал к ней ее первый муж, и с помощью какой-нибудь женской хитрости повернуть дело себе на пользу.

- Я буду ждать ваших приказаний, сударыня; и в зависимости от них либо мы предъявим наши бумаги в суд, либо вы соблаговолите сами зайти ко мне, чтобы выработать условия соглашения,- сказал Дервиль, откланиваясь.

Через неделю после этих переговоров, в прекрасное июньское утро, супруги, разлученные обстоятельствами почти сверхъестественными, прибыли с двух противоположных концов Парижа, чтобы встретиться в конторе их общего поверенного. Деньги, которыми Дервиль щедро снабдил полковника, позволили ему одеться прилично его положению. Мнимоусопший приехал в весьма недурном кабриолете. На Шабере был теперь со вкусом подобранный парик, синий суконный костюм, белоснежное белье, в вырезе жилета виднелась красная лента, на которой носят орден Почетного легиона. Вместе с прежними широкими привычками полковник обрел и свою былую военную выправку. Держался он прямо. На лице его, важном и загадочном, читалось счастье, все воскресшие надежды на счастье, оно казалось помолодевшим и более красочным, если позволительно позаимствовать у живописцев одно из самых характерных их выражений. Он так же мало походил на прежнего Шабера в поношенной шинели, как мало походит стертый грош на только что отчеканенный золотой.

Прохожие с первого взгляда признавали в нем прекраснейший обломок нашей старой армии, одного из тех героев, в которых отражена наша национальная слава, подобно тому как в осколке зеркала сияет своими лучами солнце. Эти старые солдаты - и сама история и сама живопись.

У подъезда конторы граф выпрыгнул из экипажа с легкостью юноши. Едва только его кабриолет отъехал от крыльца, подкатила изящная двухместная карета, разукрашенная гербами. Оттуда вышла графиня Ферро в скромном, но обдуманном туалете, выгодно подчеркивавшем девичью стройность ее талии. На ней был прелестный капор, подбитый розовым шелком, который красиво обрамлял ее лицо, оживлял его краски, выгодно скрадывал очертания. Но если клиенты Дервиля как будто помолодели, то контора его ничуть не изменилась и вполне соответствовала описанию, которым мы начинали наше повествование.

Симонен завтракал, привалившись плечом к раме распахнутого настежь окна: он всматривался в голубой квадрат неба, открывавшийся над узким двором, замкнутым с четырех сторон почерневшими строениями.

- Ага! - воскликнул юный писец.- Кто хочет держать пари на какое-нибудь представление? Вон тот генерал с красной ленточкой - это прежний полковник Шабер.

- Наш патрон - сущий чародей,- сказал Годешаль.

- На сей раз, значит, нам не удастся сыграть с ним шутку? - спросил Дерош.
- Об этом позаботится его супруга, графиня Ферро,- ответил Букар.
- Стало быть,- произнес Годешаль,- графине Ферро придется теперь ладить с двумя?
- А вот и она подъехала! - воскликнул Симонен.

В эту минуту вошел полковник и спросил Дервиля.

- Он у себя, господин граф,- сказал Симонен.

- Вот как! Оказывается, ты, озорник этакий, вовсе и не глухой? пошутил Шабер, схватив мальчишку за ухо к общему удовольствию писцов, которые залились смехом, поглядывая с почтительным любопытством на столь необычного клиента.

Граф Шабер прошел к Дервилю в тот самый момент, когда на пороге конторы появилась графиня.

- Вы подумайте только, Букар, какая диковинная сцена разыграется сейчас у патрона! Графиня будет проводить четные дни с графом Ферро, а нечетные - с графом Шабером. Как бы не запуталась! Ей придется записывать.

- Если впала в графоманию, пускай записывает! - сказал Годешаль.- В високосные годы графы будут квиты.

- Да замолчите же вы, господа! Вас могут услышать,- строго произнес Букар.- Где это видано, чтобы так высмеивали клиентов!

Едва Дервиль успел проводить полковника в свою спальню, как в кабинет вошла графиня.

- Сударыня,- сказал поверенный,- я не знал, приятно ли вам будет видеть графа Шабера, поэтому я счел за благо принять вас каждого в отдельности. Однако, если вы пожелаете.

- Крайне вам благодарна, сударь, за вашу чуткость.

- Я заготовил проект договора, условия коего могут быть оспариваемы как вами, так и господином Шабером в процессе обсуждения. Я буду последовательно переходить от вас к нему, взаимно предоставляя той и другой стороне обмениваться через меня своими мотивами.

- Начинайте,- сказала графиня с нетерпением.

Дервиль начал читать:

"Мы, нижеподписавшиеся, граф Гиацинт Шабер, бригадный командир, награжденный большим офицерским крестом ордена Почетного легиона, проживающий в Париже, на улице Пти-Банкье, с одной стороны, и госпожа Роза Шапотель, супруга вышеупомянутого графа Шабера, родившаяся в..."

- Опустим вступительную часть,- прервала его графиня.- Переходите прямо к самим условиям.

- Сударыня,- сказал поверенный,- во вступительной части вкратце излагается ваше положение в отношении друг к другу. Засим в пункте первом вы признаете в присутствии трех свидетелей, а именно двух нотариусов и владельца молочной, где проживает ваш супруг, которых я посвятил в тайну, обязав хранить полнейшее молчание,- итак, повторяю, вы признаете, что личность, о которой идет речь в прилагаемых к договору документах, подлинность коих удостоверена соответствующим актом, составленным вашим нотариусом Александром Кротга, является графом Шабером, вашим первым супругом. В пункте втором граф Шабер в ваших интересах обязуется воспользоваться своими правами лишь в случае, оговоренном настоящим актом. То есть,- прибавил Дервиль как бы мимоходом,- в случае невыполнения условий данного секретного соглашения. Со своей стороны,- продолжал поверенный, господин Шабер обязуется совместно с вами исходатайствовать у суда постановление, аннулирующее акт о его кончине и признающее ваш брак с ним расторгнутым.

- Но это для меня совершенно неприемлемо,- изумленно произнесла графиня.- Я не хочу процесса. Вы сами знаете, почему.

- По пункту третьему,- с невозмутимым спокойствием продолжал поверенный,- вы

обязуетесь внести в государственное казначейство капитал для выплаты вышеупомянутому графу Гиацинту Шаберу пожизненной ренты в двадцать четыре тысячи франков, с тем чтобы в случае смерти полковника этот капитал перешел к вам...

- Но это слишком много! - воскликнула графиня.

- Вы надеетесь договориться на меньшей сумме?

- Возможно.

- Чего же вы, в сущности, хотите, сударыня?

- Я хочу... я не хочу суда... я хочу...

- Чтобы он остался мертвецом - живо перебил ее Дервиль.

- Сударь,- произнесла графиня,- если вы требуете ренты в двадцать четыре тысячи франков, хорошо, будем судиться.

- Да, будем судиться! - сдавленным голосом воскликнул Шабер, который распахнул дверь спальни и внезапно появился перед своей женой. Он заложил левую руку за вырез жилета, а другую простер книзу - жест, которому память о необычайных злоключениях полковника сообщала какую-то ужасающую выразительность.

"Это он!" - подумала графиня.

- Слишком много! - повторил старый солдат.- Я дал вам почти миллион, а вы хотите выгадать на моем несчастье! Так знайте же, теперь я потребую и вас и ваше состояние. Наше имущество не разделено, наш брак не расторгнут.

- Но, сударь, вы вовсе не полковник Шабер! - воскликнула графиня с наигранным изумлением.

- Ах, так! - произнес старик с глубокой иронией.- Так вам нужны доказательства? Что же, я взял вас из Пале-Рояля...

Графиня побледнела. Увидев под румянами эту бледность, старый солдат был тронут страданием, которое он причинил обожаемому некогда существу, и умолк; но он был вознагражден за свое великодушие таким ядовитым взглядом, что не сдержался и прибавил:

- Вы были в...

- Увольте, сударь,- сказала графиня, обращаясь к поверенному.Разрешите мне удалиться. Я пришла сюда вовсе не затем, чтобы выслушивать такие ужасы.

Она поднялась и вышла. Дервиль бросился вслед за ней в контору, но графиня уже выпорхнула, как будто на крыльях. Возвратившись в свой кабинет, Дервиль увидел, что полковник в приступе дикой ярости расхаживает по комнате крупными шагами.

- В ту пору,- произнес он,- каждый брал жену, где ему хотелось; но я, к сожалению, сделал плохой выбор, доверившись внешности. У нее нет сердца.

- Ну что, полковник, разве я был не прав, когда просил вас не показываться? Теперь я нисколько не сомневаюсь, что вы - полковник Шабер. Когда вы вошли в кабинет, графиня не могла удержаться от движения, которое невозможно истолковать двояко. Зато вы проиграли процесс: вашей жене известно, что вас нельзя узнать.

- Я убью ее...

- Безумец! Вас арестуют и гильотинируют как убийцу. Впрочем, в решительный момент у вас дрогнет рука, а это непростительно, особенно когда дело идет о собственной жене. Предоставьте мне исправлять ваши промахи, большое вы дитя! Идите домой. Берегитесь, она способна подстроить вам ловушку и упечь вас в Шарантон. Я представлю наши бумаги в суд, чтобы уберечь вас от каких-либо неожиданностей.

Бедный полковник повиновался своему молодому благодетелю и удалился, бормоча извинения. Он стал медленно спускаться по темной лестнице, уйдя в свои невеселые мысли, сраженный жестоким ударом, который, быть может, больше всего пронзил его сердце, как вдруг на нижней площадке он услышал шелест женского платья и увидел графиню.

- Идемте, сударь,- произнесла она, беря его за руку таким знакомым и родным ему движением.

Жеста графини, звука ее голоса, ставшего вдруг нежным, было достаточно, чтобы укротить гнев полковника, и он послушно последовал за ней к карете.

- Садитесь со мной! - сказала графиня, когда лакей опустил подножку экипажа.

И, как по волшебству, полковник очутился в карете рядом со своей женой.

- Куда прикажете, сударыня? - спросил лакей.

- В Гроле,- ответила графиня.

Лошади дружно подхватили и понеслись по Парижу.

- Сударь...- обратилась графиня к полковнику, и в голосе ее послышалась та необычайная взволнованность чувств, на которую так живо откликается все наше существо.

В подобные мгновения все - сердце, нервы, лицо, душа, тело, каждая жилка и каждая частица,- все содрогается в нас. Кажется, сама жизнь нас покидает; она вырывается из нас наружу, она сообщается другому, как болезнь, передается во взгляде, звуке голоса, жесте, подчиняя других нашей воле. Старый солдат задрожал, услышав это единственное слово, ее первое, ее страшное слово: "Сударь!" Но оно было одновременно и упреком, и мольбой, и прощением, надеждой, отчаянием, вопросом, ответом. В нем заключалось все. Надо быть прирожденной актрисой, чтобы вложить в одно слово столько красноречия, столько чувства. Правда не выражает себя с такой полнотой, она не все выставляет напоказ, она требует, чтобы разгадали ее сокровенную глубину. Полковник мучительно раскаивался в своих подозрениях, в своих требованиях, в своем гневе и потупил глаза, чтобы скрыть охватившее его волнение.

- Сударь,- произнесла графиня после неприметной паузы,- я вас сразу же узнала.

- Розина,- сказал старый солдат. - Это слово - бальзам, способный смягчить мои муки.

Две крупные горячие слезы скатились на руки графини, которые Шабер сжимал с отеческой нежностью.

- Сударь,- продолжала она,- как могли вы не понять, что мне было невыносимо стыдно показаться перед посторонним человеком в том ложном положении, в котором я нахожусь! Если уж мне суждено краснеть, пусть это будет в кругу моей семьи. Разве тайна эта не должна быть погребена в глубине наших сердец? Надеюсь, вы не поставите мне в вину кажущееся равнодушие к судьбе незнакомца, именующего себя графом Шабером, в существовании которого я вправе была сомневаться. Я получила ваши письма, живо сказала графиня, заметив по лицу мужа, что он готовится ей возразить, но они попали ко мне через тринадцать месяцев после битвы при Эйлау; они были вскрыты, испачканы, а почерк ваш неузнаваемо изменился. И после того как сам Наполеон поставил свою подпись на моем брачном контракте, я имела все основания считать, что какой-то ловкий интриган просто-напросто хочет сыграть со мной злую шутку. Чтобы не смущать покоя графа Ферро и не разрушать семейных уз, я обязана была принять меры предосторожности против лже-Шабера. Разве я не была права, скажите сами?

- Да, ты была права. А я, глупец, животное, грубиян, не сумел предвидеть последствий подобного положения... Но куда же мы едем?- спросил граф Шабер, заметив заставу Лашапель.

- В мою усадьбу, она расположена рядом с Гроле, в долине Монморанси. Там, сударь, мы вместе обсудим, что предпринять. Я знаю, в чем мой долг. Если я и принадлежу вам по закону, то фактически я не ваша жена. Неужели вы хотите, чтобы мы стали посмешищем всего Парижа? Не будем посвящать общество в наши дела, где мне отведена такая смешная роль. Сохраним наше достоинство. Вы до сих пор еще любите меня,- сказала она, бросив на полковника грустный и нежный взгляд,- но разве я не была вправе создавать себе новую жизнь? Какой-то тайный голос говорит мне, что в этих необычных обстоятельствах я могу положиться на вашу доброту, столь хорошо мне известную. Разве я ошиблась, избрав вас единственным судьей моей жизни? Будьте же не только судьей, но и моим защитником. Я рассчитываю на врожденное ваше благородство. Вы великодушны, вы простите мне последствия моих невольных заблуждений. Признаюсь вам, я люблю господина Ферро. Я считала себя вправе полюбить его. Говорю это без краски стыда. Если мое признание обидно для вас, то все же оно для нас не позорно. Я не могу скрывать от вас правды. Когда волею случая я осталась вдовой, я ведь еще не была матерью...

Движением руки полковник попросил ее замолчать, и примерно половину лье они проехали, не обменявшись ни словом. Перед взором Шабера встал образ двух детей.

- Розина!

- Я слушаю вас, сударь.

- Мертвецам не следовало бы выходить из могилы, верно?

- О нет, сударь, нет! Не считайте меня неблагодарной. Но поймите, вы оставили супругу, а теперь перед вами любящая женщина, мать. Если полюбить вас вновь не в моей власти, я все же не забываю, чем я вам обязана, я могу предложить вам дочернюю привязанность...

- Розина,- прервал ее мягко полковник,- я не сержусь на тебя. Забудем все,- добавил он с кроткой улыбкой, прелесть которой неизменно отражает красоту души.- Я не настолько огрубел, чтобы требовать видимости любви от женщины, которая не любит меня более.

Графиня бросила на него взгляд, исполненный такой горячей признательности, что несчастный Шабер готов был снова вернуться в братскую могилу под Эйлау. Иные люди обладают душой достаточно сильной, чтобы доказать любой ценой свою преданность, а наградой им служит сознание, что они сделали добро обожаемому существу.

- Друг мой, мы вернемся к этому разговору позже, когда успокоимся, сказала графиня.

Беседа их приняла иное направление, ибо невозможно долго говорить на подобные темы. Хотя супруги то и дело возвращались к своему необычному положению то намеками, то прямо, все же они совершили очаровательную прогулку, как бы вернувшую их к прежней совместной жизни и ко временам Империи. Графиня придала этим воспоминаниям нежное очарование и внесла в беседу меланхолический оттенок, подчеркивая этим ее значительность. Она сумела оживить любовь, не пробуждая желаний, и словно невзначай открыла своему первому супругу, как обогатилась она духовно, стараясь исподволь приучить его к мысли, что отныне ему придется ограничить свое счастье теми радостями, какие вкушает отец возле любимой дочери.

Полковник раньше знал графиню времен Империи, теперь пред ним была графиня времен Реставрации.

Наконец карета, увозившая супругов, свернула на проселочную дорогу и подъехала к большому парку, разбитому в неширокой долине, между возвышенностью Маржанси и очаровательным селением Гроле. Графине принадлежал там прелестный дом, где, как сразу заметил полковник, все было тщательно приготовлено для их совместного пребывания. Несчастья - своего рода талисман, усиливающий прирожденные нам свойства: у некоторых он развивает недоверчивость и злобу, а у людей прекрасной души приумножает доброту. Под влиянием перенесенных несчастий полковник стал еще отзывчивей и лучше, чем он был, и мог постичь тайны муки женщины, которые не доступны пониманию большинства мужчин. Однако, несмотря на всю свою доверчивость, он не удержался, чтобы не спросить графиню:

- Значит, вы были твердо уверены, что вам удастся привезти меня сюда?

- Да,- ответила она,- если истец действительно оказался бы полковником Шабером.

Искренность, прозвучавшая в этом ответе, рассеяла появившиеся было подозрения полковника, и он сам их устыдился.

В течение трех дней супруга полковника Шабера была само обаяние. Казалось, своей непрестанной заботой и женской нежностью она хотела изгладить из его памяти все воспоминания о перенесенных им горестях, вымолить прощение за те муки, которые она, по ее уверениям, причинила ему невольно; ей доставляло удовольствие расточать перед ним - но, разумеется, не без оттенка должной меланхолии - все свое очарование, против которого, как она знала, он не мог устоять; ведь мы особенно чувствительны к некоторым движениям, к некоторым прелестям ума или сердца и пасуем перед ними; она стремилась вызвать в Шабере сочувствие к своему положению, растрогать его, чтобы овладеть его душой и целиком подчинить своей власти.

Решившись на все, лишь бы добиться цели, она не знала еще, как ей поступить с этим

человеком, но прежде всего она жаждала уничтожить его социально. К вечеру третьего дня их пребывания в Гроле она почувствовала, что, несмотря на все усилия, ей не удастся более скрыть неуверенности в успехе затеянной ею игры. Ей захотелось побыть одной, она поднялась к себе, присела к письменному столу, сбросив личину спокойствия, которую все эти дни носила перед графом Шабером,- так актриса, закончив мучительный пятый акт, без сил возвращается со сцены и, полуживая, падает в кресло, оставив зрителям образ, на который она уже ничем не похожа сейчас. Графиня принялась дописывать письмо Дельбеку, в котором она поручала ему сходить к Дервилю, затребовать у него от ее имени все бумаги, касающиеся полковника Шабера, снять с них копии и немедленно явиться в Гроле. Едва она успела закончить письмо, как услышала в коридоре шаги полковника, который, обеспокоившись ее отсутствием, пошел на розыски.

- Увы! - воскликнула она, как будто разговаривая сама с собою.- Как мне хотелось бы умереть? Мое положение непереносимо.

- Что с вами? - спросил добряк.

- Да нет, ничего,- ответила графиня.

Она встала и, оставив полковника одного, спустилась вниз, чтобы переговорить без свидетелей со своей горничной, которой она велела ехать в Париж, наказав ей вручить письмо в собственные руки Дельбеку и привезти это письмо обратно, как только управляющий прочтет его. Потом графиня вышла в сад и уселась на скамью, на самом виду - так, чтобы полковник при желании мог сразу ее найти. Шабер, который уже разыскивал графиню, подошел к ней и сел возле нее.

- Розина, что с вами? - спросил он.

Она ничего не ответила. Был чудесный спокойный июньский вечер; в такие часы в сладчайшей неге заката разлита скрытая гармония. Воздух был чист, стояла глубокая тишина, можно было слышать доносившиеся из отдаленной аллеи парка детские голоса, как бы дополнявшие своей мелодией возвышенную прелесть пейзажа.

- Вы не отвечаете? - продолжал полковник.

- Мой муж...- начала графиня и тут же замолчала; она сделала какой-то неопределенный жест и, покраснев, спросила: - Как мне называть при вас графа Ферро?

- Называй его мужем, малютка,- ответил добродушно полковник.- Разве он не отец твоих детей?

- Хорошо,- продолжала графиня.- Если господин Ферро спросит меня, что я здесь делала, если он узнает, что я провела здесь несколько дней с глазу на глаз с каким-то незнакомцем, что я ему скажу? Послушайте, сударь, сказала она, приняв величественную позу,- моя судьба в ваших руках, я подчинюсь всему...

- Дорогая моя,- ответил полковник, беря свою жену за руки.- Я решил всем пожертвовать ради вашего благополучия.

- Но это невозможно! - воскликнула она, судорожно вздрогнув.Подумайте только, ведь вам придется отказаться от самого себя, и притом с соблюдением всех формальностей.

- Как,- спросил полковник,- разве моего слова вам недостаточно?

Слово "формальности" поразило полковника в самое сердце, пробудило в нем невольное подозрение. Он бросил на свою жену взгляд, заставивший ее покраснеть. Она опустила глаза, и полковник Шабер со страхом подумал, что ему, быть может, придется ее презирать. Графиня испугалась, что она оскорбила суровую чистоту, неподкупную честность человека, чей великодушный характер и врожденное благородство были ей так хорошо известны. Хотя тень этих мыслей омрачила их лица, вскоре между ними установилось доброе согласие. И вот как это произошло. Вдалеке послышался детский крик.

- Жюль, оставь в покое сестрицу!- воскликнула графиня.

- Как, ваши дети здесь? - спросил полковник.

- Да, но я запретила им докучать вам.

Старый воин оценил всю тонкость, всю глубину женского такта, выразившегося в этом очаровательном поступке, и припал к руке графини.

- Пусть они подойдут сюда,- сказал он.

Маленькая девочка бросилась к матери, спеша пожаловаться на брата.

- Маменька!

- Маменька!

- Это он!

- Нет, она сама...

Детские ручонки тянулись к матери, детские голоса лепетали о чем-то наперебой. Эта неожиданная сцена была трогательна.

- Бедные дети! - воскликнула графиня, не сдерживая больше слез.- С ними придется расстаться. Кому их отдаст суд? Сердце матери не поделить на части, я хочу, чтобы их оставили мне!

- Это из-за вас маменька плачет? - спросил Жюль, бросая на полковника гневный взгляд.

- Жюль, замолчи! - повелительно воскликнула графиня.

Дети стояли неподвижно, молча рассматривая мать и незнакомца с неописуемым любопытством.

- О, пусть меня разлучат с графом,- продолжала графиня,- но пусть мне оставят детей, я согласна на все...

Этот решительный ход увенчался полным успехом, на что графиня и рассчитывала.

- Да,- вскричал полковник, как бы продолжая начатую мысленно фразу,- я должен возвратиться в могилу, я уже думал об этом!

- Смею ли я принять такую жертву? - ответила графиня.- Если мужчина и соглашается умереть, чтобы спасти честь возлюбленной, он отдает свою жизнь всего один-единственный раз, но вы, вы будете отдавать мне вашу жизнь ежедневно, ежечасно! Нет, нет, это невозможно! Если бы речь шла только о вашей жизни, это было бы еще полгоря, но заявить, что вы не полковник Шабер, письменно признать себя самозванцем, пожертвовать своей честью, лгать каждый день, каждую минуту - нет, человеческая любовь не может подняться до такой высоты! Подумайте только! Нет! Не будь у меня этих несчастных детей, я убежала бы с вами на край света.

- Но почему бы мне,- возразил Шабер,- не поселиться возле вас, в этом маленьком домике, в качестве дальнего родственника? Я ни на что не годен, я старая, отслужившая свой век пушка, да и нужно мне всего-навсего немножко табаку и номер газеты "Конституционер" по утрам.

Графиня залилась слезами. Между нею и полковником Шабером завязался поединок великодушия, и старый солдат вышел из него победителем. Умилившись душой при виде трогательной сцены, какую являла в этот тихий, спокойный вечер мать в кругу своих детей, полковник решил остаться мертвецом и, не страшась более официального акта, спросил графиню, как надлежит ему поступить, чтобы навсегда обеспечить счастье ее семьи.

- Поступайте, как знаете! - воскликнула графиня.- Предупреждаю вас, я не намерена вмешиваться в это дело. Я не должна!

Дельбек, приехавший в Гроле за несколько дней до того, следуя указаниям графини, сумел втереться в доверие к старому солдату. На следующее же утро полковник Шабер отправился вместе с бывшим стряпчим в Сен-Ле-Таверни, где Дельбеком был уже заранее заготовлен у нотариуса акт, составленный в выражениях столь недвусмысленных, что старик, прослушав этот документ, поднялся с места и направился к выходу.

- Тысяча чертей! Нечего сказать, хорош я буду! Да ведь это же подлог! - вскричал он.

- Сударь,- успокоил его Дельбек. - Я тоже не советую вам подписывать этот документ опрометчиво. На вашем месте я сумел бы выторговать в этой сделке по меньшей мере тридцать тысяч ливров годового дохода, графиня пошла бы на это.

Кинув на прожженного мошенника испепеляющий взгляд честного человека, полковник, раздираемый самыми противоречивыми чувствами, бросился вон. Снова и снова его охватывало недоверие, то он негодовал, возмущался, то затихал.

Наконец, проникнув через пролом ограды в парк, он медленно направился к беседке, откуда открывался вид на дорогу из Сен-Ле, в надежде отдохнуть там и на досуге собраться с мыслями. Аллея была усыпана мелким желтым песком вместо грубого речного гравия; графиня, сидя в небольшой гостиной, тут же в павильоне, не заметила приближения полковника; она была слишком озабочена исходом своего дела, чтобы обратить внимание на легкий шум шагов. Старый солдат, в свою очередь, тоже не видел жены.

- Ну как, господин Дельбек, подписал он или нет?- спросила графиня своего управляющего, разглядев поверх невысокой изгороди, окаймлявшей ров, что тот возвращается один.

- Нет, сударыня. Не возьму даже в толк, что такое с ним случилось. Старая кляча встала на дыбы.

- Придется, значит, упрятать его в Шарантон, благо он в наших руках, сказала графиня.

К полковнику вдруг вернулась вся его былая прыть; он перепрыгнул через ров, в мгновение ока очутился перед управляющим и закатил ему пару таких пощечин, крепче которых, пожалуй, сутяга еще никогда не получал.

- Так узнай же, что старая кляча еще умеет лягаться! - вскричал он.

Утолив свой гнев, полковник почувствовал, что теперь ему не под силу перескочить обратно через ров. Истина встала перед ним во всей своей неприглядной наготе. Вопрос графини и ответ Дельбека открыли ему существование заговора, жертвой которого он должен был пасть.

Заботы, расточаемые ему графиней, были только приманкой, она хотела завлечь его в ловушку. Ее слова, подобно неприметной капле яда, мгновенно пробудили в старом воине все душевные и телесные муки. Через ворота парка он пошел к павильону, с трудом, как дряхлый старец, волоча ноги. Итак, ни отдыха, ни покоя! Отныне придется начать с этой женщиной омерзительную войну, о которой говорил Дервиль, вступить на путь крючкотворства, питаться желчью, ежедневно осушать полную чашу горечи. А потом - ужасная мысль! где взять деньги, чтобы оплатить расходы по судопроизводству в первых инстанциях? Его охватило такое отвращение к жизни, что, будь он на берегу реки, - он бросился бы в воду, будь у него под рукой пистолет - он пустил бы себе пулю в лоб. Затем мысли его вновь пришли в смятение, изменившее весь строй его чувств с того самого дня, когда Дервиль посетил заведение Верньо.

Добравшись наконец до павильона, он поднялся в гостиную, сквозь круглые окна которой открывался на все четыре стороны восхитительный вид. Там он застал свою жену. Графиня, сидя в креслах, любовалась пейзажем, вся ее поза выражала сдержанное спокойствие, лицо хранило непроницаемое выражение, которое умеют принять женщины, решившиеся идти до конца. Она утерла платочком глаза, как будто на них еще не просохли слезы, и стала рассеянно играть концами длинного розового пояса. Тем не менее, несмотря на свое напускное хладнокровие, графиня не могла сдержать дрожь, когда перед ней встал, скрестив на груди руки, нахмутив брови, ее почтенный благодетель, побледневший от негодования.

- Сударыня, - сказал он, и под его пристальным взглядом лицо ее залилось краской, - сударыня, я вас не проклинаю, я презираю вас. Ныне я благословляю случай, нас разъединивший. Я не желаю даже мстить вам, я не люблю вас более. Я не хочу от вас ровно ничего. Живите спокойно, доверившись моему слову, - оно крепче мази всех парижских нотариусов. Я никогда не буду пытаться вернуть себе имя, которое я, быть может, прославил. Отныне я просто бродяга Гиацинт, который хочет только местечка на земле. Прощайте...

Графиня бросилась к ногам полковника, схватила его за руки, стараясь удержать, но он с отвращением оттолкнул ее и закричал:

- Не смейте прикасаться ко мне!

Услышав, как затихают вдали шаги полковника, графиня только передернула плечами. С той глубокой пронизательностью, которая дается безграничной подлостью или звериным

эгоизмом высшего света, она поняла, что отныне может жить спокойно, надежно охраняемая словом и презрением честного воина.

Шабер и в самом деле исчез. Торговец молочными продуктами разорился и нанялся в кучера. Быть может, и сам полковник подвизался на каком-нибудь поприще в том же роде. Быть может, подобно камню, брошенному в пропасть, он, падая с уступа на уступ, исчез среди безвестной голи, которая кишит на улицах Парижа.

Полгода спустя после описанных событий Дервиль, который не слышал больше ничего ни о полковнике Шабере, ни о графине Ферро, решил, что они пришли к полюбовному соглашению и графиня, в отместку ему, поручила оформить это соглашение другому поверенному. Как-то поутру, подсчитав суммы, выданные Шаберу, и прибавив свои расходы, Дервиль обратился к графине Ферро с просьбой передать этот счет полковнику, предполагая, что ей известно местожительство ее первого супруга.

На следующий же день управляющий графа Ферро, незадолго до того назначенный председателем суда первой инстанции в одном из крупных городов, прислал Дервилю следующий неутешительный ответ:

"Милостивый государь!

Госпожа Ферро поручила мне сообщить Вам, что Ваш клиент недостойно злоупотребил Вашим доверием; лицо, именовавшее себя графом Шабером, призналось в том, что это имя присвоено им незаконно

Примите и проч. Дельбек".

- И носит же земля таких простаков! - воскликнул Дервиль.- А еще называюсь поверенным! Вот, будьте великодушным, отзывчивым филантропом и ученым правоведом в придачу, все равно вас обведут вокруг пальца, Эта история влетела мне в две тысячи франков!

Вскоре после получения этого письма он отправился в суд повидаться с адвокатом, который вел дела в исправительной полиции. По случайному стечению обстоятельств Дервиль вошел в шестую камеру как раз в тот момент, когда председатель приговорил за бродяжничество некоего Гиацинта, не помнящего родства, к двум месяцам тюрьмы с последующим переводом в дом призрения в Сен-Дени, что в практике исправительной полиции равносильно пожизненному заключению. Услышав имя Гиацинт, Дервиль взглянул на обвиняемого, сидевшего на скамье подсудимых, и узнал в нем своего лже-Шабера.

Старый солдат был невозмутим, немного рассеян; даже лохмотья, даже нищета, наложившая свой след на его лицо, не могли лишить его благородства и гордости. В его взгляде было стоическое спокойствие, что не могло бы укрыться от глаз судьи; но стоит только человеку попасть в руки правосудия, он становится существом подсудным, вопросом права, казусом, подобно тому, как в руках статистика он только цифра. Когда старого солдата увели в канцелярию, откуда его должны были отправить в тюрьму вместе с партией бродяг, дела которых разбирали в тот же день, Дервиль, воспользовавшись правом юриста, имеющего доступ во все помещения суда, прошел вслед за ним и несколько минут молча рассматривал Шабера, сидевшего посреди пестрой толпы нищих. В те времена камера при судейской канцелярии являла собой одно из тех зрелищ, которое, к великому сожалению, до сих пор не изучено еще ни законниками, ни филантропами, ни художниками, ни писателями.

Эта камера, как и все лаборатории крючкотворства, представляет собою темное, зловонное помещение; вдоль стен стоят побуревшие деревянные скамьи, отполированные засаленными отрепьями обездоленных, сходящихся отовсюду на это сборище общественных недугов, которого никому из них не избежать. Поэт сказал бы, что сам дневной свет стыдится озарить эту страшную яму, куда стекаются тысячи злосчастных судеб. Здесь в каждой щели притаилось преступление или преступный замысел, здесь в каждом уголке может встретиться вам человек, махнувший на все рукой, после первого своего проступка заклеянный судом и вступивший на путь, в конце которого его ждет гильотина или самоубийство. Того, кто влачится по парижским мостовым, рано или поздно прибьет к этим изжелта-серым стенам, и филантроп, если только он не праздный созерцатель, найдет здесь

объяснение бесчисленных самоубийств, на которые горько сетуют лицемерные писатели, найдет не сделавши и шага для их предупреждения, и разгадает пролог драмы, обрывающейся в морге или на Гревской площади.

И вот полковник Шабер сидел в толпе этих людей с энергическими физиономиями, одетых в отвратительные ливреи нищеты. Оборванцы то замолкали, то переговаривались вполголоса, так как три жандарма расхаживали взад и вперед, с грохотом волоча по полу свои сабли.

- Вы меня узнаете? - спросил Дервиль, подходя к старому солдату.

- Да, сударь,- ответил Шабер, приподнимаясь ему навстречу.

- Если вы человек честный,- продолжал тихо Дервиль,- как вы могли не вернуть мне долг?

Старик покраснел до ушей, как девушка, заподозренная матерью в тайном свидании с возлюбленным.

- Как! - громко воскликнул он.- Разве госпожа Ферро вам не уплатила?

- Уплатила?..- повторил Дервиль.- Она написала мне, что вы обманщик.

Полковник возвел глаза с выражением ужаса и мольбы, как бы призывая небеса в свидетели этой новой лжи.

- Сударь,- произнес он спокойно, с трудом сдерживая возмущение, попросите жандармов провести меня в канцелярию, я напишу распоряжение, по которому вам, несомненно, будет уплачено.

Дервиль попросил начальника конвоя, и ему разрешили зайти вместе с его клиентом в канцелярию, где Гиацинт написал несколько слов графине Ферро.

- Отошлите ей это письмо,- сказал полковник,- и вам возместят все расходы и вернут затраченные на меня деньги. И верьте, сударь: если я не мог выразить вам благодарность за все ваши добрые услуги - она здесь, сказал он, прижав руку к сердцу.- Да, она здесь, во всей своей полноте и силе. Но что может дать обездоленный? Только любовь, и ничего больше.

- Как же это вы не сумели выговорить себе хоть какую-нибудь сумму! воскликнул Дервиль.

- Не говорите мне об этом,- отвечал старый воин.- Вы не можете себе вообразить, до чего я презираю эту показную жизнь, которой так дорожит большинство людей. Мною неожиданно овладел новый недуг - отвращение к человечеству. Когда я вспоминаю, что Наполеон на острове святой Елены,- все претит мне в этом мире. Я не могу более быть солдатом, вот в чем моя беда. Наконец,- прибавил он с непередаваемо ребячливым жестом,- чувства украшают лучше, нежели богатые наряды, и я смело смотрю всем в глаза.

И полковник снова уселся на скамью.

Дервиль вышел. Возвратившись к себе в контору, он послал Годешаля, занимавшего теперь место старшего писца, к графине Ферро, и она немедленно же по получении письма распорядилась выплатить поверенному долг Шабера.

В 1840 году, в конце июня, Годешаль, ставший поверенным, преемником Дервиля, прибыл вместе с ним в Ри. Проезжая по шоссе, ведущему к Бисетру, они заметили старика, сидящего под вязом; такие старцы, сраженные судьбой и убеленные сединами, уже дослужившиеся до маршальского жезла нищеты, живут в Бисетре, подобно тому как бездомные женщины находят приют в Сальпетриере. Этот старик, один из двух тысяч призреваемых в приюте для престарелых, сидел на тумбе и, казалось, весь ушел в несложное занятие, знакомое всем инвалидам: он сушил на солнце свой носовой платок, перепачканный нюхательным табаком,- должно быть для того, чтобы не отдавать его в стирку. В его лице было что-то значительное. Одет он был в порыжелую куртку мерзкую ливрею, которой богадельня снабжает каждого из своих питомцев.

- Посмотрите, Дервиль,- обратился Годешаль к своему спутнику.- Видите вы этого старика? Разве он не напоминает тех игрушечных деревянных уродцев, которых привозят из Германии? И подумать только, что это существо живет, что оно, быть может, даже счастливо!

Дервиль достал лорнет, взглянул на беднягу и с легким жестом изумления воскликнул:

- Да этот старик, дорогой мой, целая поэма, или, как говорят романтики, целая драма. Ведь вы помните графиню Ферро?

- Конечно. Весьма приятная и умная дама, только чересчур уж богомольная.

- Так вот, этот престарелый обитатель Бисетра - ее законнейший супруг, граф Шабер, бывший полковник; это она, конечно, запрятала его сюда. И если ему приходится жить не в собственном особняке, а в богадельне, то произошло это только потому, что он имел неосторожность напомнить очаровательной графине, что он сторговал ее на улице, как нанимают фиакр. Никогда не забуду, как она тогда на него взглянула. Настоящая тигрица!

Это вступление возбудило интерес Годешаля, и Дервиль рассказал ему всю вышеизложенную историю. Два дня спустя, в понедельник утром, друзья на обратном пути опять проезжали мимо Бисетра, и Дервиль предложил Годешалю навестить полковника Шабера.

На полдороге друзья увидели сидевшего на стволе срубленной ивы старика, который палкой чертил на песке узоры. Приглядевшись к нему внимательнее, они заметили, что он уже успел позавтракать, и, конечно, не в своей богадельне.

- Добрый день, полковник Шабер,- обратился к нему Дервиль.

- Не Шабер! Не Шабер! Меня зовут Гиацинт. Я теперь не человек, а номер сто шестьдесят четыре, седьмая палата,- тревожно прибавил он, глядя на Дервиля пугливо, как глядят только дети и старики. - Вы пришли посмотреть на приговоренного к смерти? - произнес он, помолчав немного. - Он не женат! Он счастлив!

- Бедняга,- сказал Годешаль.- Может быть, вам нужны деньги? Хоть табаку себе купите.

С простодушной жадностью парижского уличного мальчишки полковник протянул руку по очереди обоим друзьям, которые дали ему двадцать франков; он поблагодарил их бессмысленным взглядом и прибавил:

- Молодцы, ребята!

Затем он взял на караул, прицелился в них палкой и, смеясь, закричал:

- Огонь из двух орудий! Да здравствует Наполеон!

И он описал палкой в воздухе какую-то замысловатую завитушку.

- Он впадает в детство. Очевидно, таково следствие его ужасного ранения,- сказал Дервиль.

- Это он-то впадает в детство? - подхватил другой обитатель Бисетра, оказавшийся свидетелем этой сцены.- В иные дни к нему лучше и не подступайся. Этот старый хитрец прямо философ! А уж выдумщик! Но ничего не поделаешь, нынче понедельник - вот и хватил малость. Он здесь, сударь, с 1820 года. Помню, как раз в тот год проезжал здесь прусский офицер. Коляска его подымалась по косогору к Вильжюифу, а он решил пройтись пешком. Мы вдвоем с Гиацинтом сидели у края дороги. Офицер болтал со своим спутником, таким же грубияном, как он сам; увидели они старика и решили подшутить, пруссак и говорит: "Этот старый стрелок наверняка дрался еще при Росбахе". А наш отвечает: "Для этого я был слишком молод, но зато я был уже достаточно взрослым, чтобы сражаться при Иене". Тут уж пруссак поспешил улизнуть: не до вопросов ему было.

- Что за судьба! - воскликнул Дервиль.- Провести детство в приюте для подкидышей, умереть в богадельне для престарелых, а в промежутке меж этими рубежами помогать Наполеону покорить Европу и Египет. Знаете, любезный друг,- продолжал Дервиль после небольшой паузы,- представители трех профессий в нашем обществе - священник, врач и юрист - не могут уважать людей. Недаром они ходят в черном,- это траур по всем добродетелям и по всем иллюзиям. И самый несчастный из них троих - это поверенный. Когда человек обращается к священнику, им движет раскаяние, угрызения совести, вера,- и это облагораживает, возвеличивает его и утешает духовного наставника, обязанности коего даже не лишены известной отрады: он отпускает грехи, он направляет, умиротворяет. Но мы... Мы, поверенные, видим все одни и те же низкие чувства, ничем не смягчаемые; наши

конторы - сточные канавы, очистить которые не под силу человеку. Чего я только не нагляделся, выполняя свои обязанности! Я видел, как в каморке умирал нищий отец, брошенный своими двумя дочерьми, которым он отдал восемьдесят тысяч ливров годовой ренты, видел, как сжигали завещания, видел, как матери разоряли своих детей, как мужа обворовывали своих жен, как жены медленно убивали своих мужей, пользуясь как смертоносным ядом их любовью, превращая их в безумцев или слабоумных, чтобы самим спокойно жить со своими возлюбленными. Видел женщин, прививавших своим законным детям такие наклонности, которые неминуемо приводят к гибели, лишь бы передать состояние ребенку, прижитому от любовника. Не решусь вам рассказать все то, что я видел, ибо я был свидетелем преступлений, против которых правосудие бессильно. И право, все ужасы, которыми нас пугают в книгах романисты, бледнеют перед действительностью. Вам тоже предстоит увидеть подобные картины. А я решил поселиться с женой в деревне. Париж внушает мне отвращение.

- Я уже достаточно нагляделся на все это, работая с Дерошем,- ответил Годешаль.

Париж, февраль-март 1832 г.